

НОРА РОБЕРТС

Безумие смерти

*Робертс настоящий
художник слова,
выписывающий свои
истории и персонажей
тщательно и
правдоподобно.*

Los Angeles Daily News

Ева Даллас

Нора Робертс
Безумие смерти

«Центрполиграф»

2002

Робертс Н.

Безумие смерти / Н. Робертс — «Центрполиграф», 2002 — (Ева Даллас)

Преступники становятся жертвами... Такого в полицейской практике Евы Даллас еще не было. Некий компьютерный вирус поражает мозг жертв, толкая на безумие и гибель. За всем этим стоит некая организация с якобы благородной миссией возмездия и совершения правосудия над наркоторговцами и растлителями детей. Но погибают и невинные люди, и эти высокотехнологические убийства продолжают множиться. Коллеги Евы пытаются обнаружить смертоносный вирус, чтобы предотвратить новые жертвы в то время, как сама Даллас идет по следу самозванных вершителей закона... И приходит, в конце концов, к совершенно непредсказуемому финалу. Ранее книга выходила под названием «Приговоренные к безумию».

Содержание

Пролог	5
1	7
2	14
3	23
4	31
5	39
6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Нора Робертс

Безумие смерти

Пролог

Духота была убийственной. Июль метким ударом отправил весь Нью-Йорк в летнюю парилку. Кому-то удавалось спастись в домах на побережье, где можно было потягивать холодные напитки и наслаждаться морскими ветрами, ведя дела по телефону. Другие запасались всем необходимым и закрывались в снабженных кондиционерами жилищах, словно во время осады.

Но большинству приходилось терпеть жару. Конца ей не предвиделось, поэтому дезодоранты исчезали с прилавков с невероятной быстротой, настроение ухудшалось с каждым днем, а мелкие неприятности подталкивали к насильственным действиям даже самые кроткие души. Многие из тех, чьи правонарушения при обычных обстоятельствах исчерпывались переходом улицы в неположенных местах, оказывались в полицейских участках и камерах предварительного заключения, срочно звонили своим адвокатам и объясняли, почему они пытались задушить своего сослуживца или толкнуть абсолютно незнакомого человека под колеса автомобиля. Придя в себя, они, как правило, сами не знали, почему это сделали, и выглядели потрясенными, словно только что вышли из состояния транса.

Но Луи К. Когберн точно знал, что он делает, как и почему. Луи был мелким торговцем наркотиками, промышлявшим в основном «Зонером» и «Джазом». Дабы увеличить прибыль, он добавлял в «Зонер» сухую траву из городских парков, а в «Джаз» – пекарский порошок, который доставал на складах. Клиентуру Луи составляли главным образом дети из семей среднего класса в возрасте от десяти до двенадцати лет, чьи школы находились в соседних с его квартирой в Нижнем Ист-Сайде районах. Это экономило время и расходы на поездки.

Луи предпочитал средний класс, так как у бедных, как правило, имелись источники снабжения в семейном кругу, а богатые слишком быстро разоблачали трюк с травой и порошком. Что касается возрастной группы, то он логично рассуждал, что клиент, которого подцепили в юности, остается таковым на всю жизнь. До сих пор это кредо оправдывало себя – обычно Луи продолжал поддерживать связи со своими клиентами и после окончания ими школы.

К своему бизнесу он относился серьезно. Каждый вечер, пока его клиенты выполняли домашнюю работу, он делал свою. Луи гордился своей бухгалтерией и наверняка зарабатывал бы больше в качестве бухгалтера какой-нибудь небольшой фирмы, но считал, что настоящий мужчина должен работать на себя.

Чувство неудовлетворенности, раздражения и даже отчаяния, охватывающее его в последнее время после каждого часа работы, Луи приписывал жаре и непрерывной головной боли, которую не могли облегчить даже лошадиные дозы его товара. Он потерял три рабочих дня из-за того, что боль затмила все остальное. Луи изнывал от духоты в однокомнатной квартире, включая на полную мощность старенькую стереосистему, чтобы заглушить музыкой бурю, свирепствующую у него в голове.

Одна мысль завладела им целиком: кто-то дорого заплатит за его мучения.

Лентяй-управляющий опять не отрегулировал кондиционер. Луи сидел в одних шортах у открытого окна, сквозь которое в комнату проникал, увы, не освежающий ветерок, а уличный грохот – гудки автомобилей, скрежет шин по мостовой, крики прохожих. Громыхающий трэш-рок не мог заглушить ни шум, ни боль.

Струйка крови текла из носа, но Луи уже не обращал на это внимания. В отчаянии он приложил ко лбу бутылку холодного пива. Будь у него бластер, он бы разнес весь квартал к чертовой матери!

До сих пор самым злостным нарушением порядка со стороны Луи были мелкие разборки с задолжавшими клиентами. Но сейчас, когда он всматривался покрасневшими глазами в колонки цифр на мониторе и голова разрывалась от боли, его одолевали образы смерти и разрушения.

Его лицо приобрело восковой оттенок, пот стекал с всклоченных каштановых волос по впалым щекам, в ушах звенело, а в животе словно колыхался океан жара. «Из-за этой треклятой духоты я теряю деньги! – думал Луи. – Чертов управляющий за это ответит!»

Глядя на экран, Луи видел, как он вылезает из окна с бластером в руке, сея повсюду насилие и смерть...

Стук в дверь заставил его повернуться.

– Черт бы тебя побрал, Луи! Выключи эту гребаную музыку!

– Убирайся к дьяволу! – пробормотал Луи, поднимая битую, с которой часто ходил на спортплощадки присмотреть потенциальных клиентов. – Убирайтесь все к дьяволу!

– Ты слышишь меня?

В мозг Луи вонзались железные шипы. Бросив битую, он со стоном вцепился себе в волосы. Но боль не прекращалась.

– Если ты не выключишь это дерьмо, Сузи вызовет копов! – Каждое слово сопровождалось ударом кулака в дверь.

Музыка, удары, крики, шипы, впивающиеся в мозг, – все смешалось в голове у Луи. Открыв дверь, он поднял битую и взмахнул ею...

1

Лейтенант Ева Даллас замешкалась у своего стола. Она сознательно тянула время и ругала себя за слабость. При мысли о том, что придется надеть вечернее платье, поехать в верхнюю часть города и присутствовать на деловой встрече мужа с несколькими абсолютно неизвестными ей людьми, замаскированной под званый обед, Еве хотелось прыгнуть в ближайший бак для переработки отходов и привести его в действие.

Главное полицейское управление казалось ей сейчас самым привлекательным местом в городе.

Сегодня Ева успела открыть и сразу же закрыть дело, поэтому у нее была куча бумажной работы. Но так как все свидетели утверждали, что парень, свалившийся с движущейся панели на шестом этаже здания, сам затеял драку с двумя туристами из Толедо, это не должно было занять много времени.

Последние несколько дней каждое новое дело представляло собой вариацию на ту же тему. Семейные ссоры, оканчивающиеся гибелью одного из супругов, уличные схватки с летальным исходом, даже драки не на жизнь, а на смерть из-за последней порции мороженого.

«Жара лишает людей разума и терпения, – думала Ева, – а это сочетание ведет к кровопролитию».

В ней самой пробуждалась жажда крови при мысли о необходимости провести несколько часов в фешенебельном ресторане, болтая с неизвестными людьми.

Вот что бывает, когда выходишь замуж за человека, у которого достаточно денег, чтобы купить пару континентов!

Самому Рорку нравились подобные мероприятия. Он чувствовал себя как дома, поедая икру в пятизвездочном ресторане, – впрочем, как правило, оказывалось, что этот ресторан принадлежит ему. Пожалуй, ей пора уже привыкнуть к этому и перестать раздражаться.

Ева со вздохом поднялась из-за стола.

– Вы еще здесь? – Пибоди, ее помощница, остановилась в дверях кабинета. – Я думала, у вас какой-то шикарный обед.

– Еще есть время. – Взглянув на часы, Ева ощутила укол совести. Она уже опаздывала. – Я только что закончила с прыгуном с панели.

Пибоди, чья летняя униформа выглядела абсолютно свежей, несмотря на жару, внимательно посмотрела на нее.

– Надеюсь, вы не нарочно тянете время, лейтенант?

– Один из жителей нашего города, которых я поклялась защищать, раздавлен, как клоп, на Пятой авеню. Думаю, он заслуживает лишних тридцати минут моего времени!

Пибоди притворно вздохнула.

– Должно быть, нелегко надеть красивое платье, нацепить бриллианты и давиться шампанским и омарами рядом с самым красивым мужчиной на свете. Не знаю, как вы это выдержите, Даллас.

– Заткнись!

– Мне хорошо: я могу спокойно отправиться с Макнабом в местную пиццерию, где мы честно разделим на двоих одну пиццу и счет. – Пибоди печально покачала головой. – Не могу выразить, насколько виноватой я себя чувствую!

– Кажется, ты напрашиваешься на неприятности, Пибоди?

– Нет, сэр. Всего лишь предлагаю вам поддержку и сочувствие в это трудное время.

– Поцелуй меня в задницу!

Не зная, сердиться ей или смеяться, Ева собралась уходить, когда на ее столе запищал телефон.

- Сказать им, сэр, что ваш рабочий день окончен?
- Разве я не велела тебе заткнуться? – Повернувшись к столу, Ева взяла трубку. – Отдел убийств. Даллас.
- лейтенант...
- Ева не сразу узнала голос молодого офицера Трухарта – таким он был напряженным.
- Трухарт?
- лейтенант, – повторил он, судорожно глотнув. – Произошел несчастный случай. В ответ на... Короче, мне пришлось убить его.
- Вы на дежурстве? – Ева вывела на экран его местонахождение.
- Да, сэр. То есть нет... Точно не знаю.
- Возьмите себя в руки, Трухарт!
- Сэр, я только что закончил смену и шел домой пешком. И вдруг какая-то женщина в окне позвала на помощь. Я бросился туда. На четвертом этаже в коридоре лежал мужчина – мертвый или без сознания; его голова была в крови. А женщина в квартире продолжала кричать. Я вошел туда и увидел, что на нее нападает другой мужчина, вооруженный битой. Я попытался его остановить, но он бросился на меня, игнорируя все предупреждения. И мне пришлось применить парализатор. Клянусь, я хотел только оглушить его, но он мертв!
- Слушайте меня, Трухарт. Обеспечьте охрану здания, доложите об инциденте официально и сообщите, что я в курсе и еду к вам, как только вызову медпомощь. Вы первым оказались на месте происшествия, так что действуйте согласно правилам. Понятно?
- Да, сэр. Наверное, мне следовало сначала доложить официально...
- Оставайтесь на месте, Трухарт. Я выезжаю. Пибоди! – скомандовала Ева, направляясь к двери.
- Да, сэр. Я с вами.

* * *

Когда Ева подъехала к зданию, у обочины стояли носом друг к другу две полицейские машины и втиснувшийся между ними фургон «Скорой помощи». Место было из тех, где люди чаще разбегаются, чем скапливаются при появлении полиции, поэтому на тротуаре находилось лишь несколько зевак, которым велели держаться подальше.

Двое патрульных, стоящие у входа, при виде Евы обменялись настороженными взглядами. Как-никак она была начальством.

– Коп не должен наезжать на другого копа за то, что он выполнил свою работу, – пробормотал один из них.

Ева резко остановилась. Все в Управлении знали, что эту высокую худощавую женщину с золотисто-кариими глазами, коротко остриженными волосами и худым лицом лучше не сердить. Ее взгляд становился холодным и бесстрастным, как у змеи, а ямочка на подбородке, способном выдержать удар кулаком, куда-то исчезала.

Патрульный съезжился под ее взглядом.

– Коп не должен удивляться тому, что другой коп тоже выполняет свою работу, – холодно отозвалась Ева. – Когда я закончу, у вас будут проблемы, а пока заткнитесь.

Войдя в тесный вестибюль, Ева нажала кнопку единственного лифта. Она вся кипела, но это не было связано с жарой.

– Почему некоторые патрульные всегда готовы вцепиться в глотку старшему по званию?

– Это всего лишь нервы, Даллас, – ответила Пибоди, когда они вошли в кабину. – Большинство копов из Главного управления знают Трухарта. Они понимают, что ему грозят неприятности.

– Что верно, то верно. Самое большое, что мы можем для него сделать, это проследить, чтобы здесь все было в порядке. Он уже достаточно напортачил. Нужно было официально отрапортовать о происшедшем, а потом уже связываться со мной.

– Неужели ему за это достанется? Ведь вы сами перевели его из «трупоищателей» в Главное управление прошлой зимой. В ОВР должны понять...

– В ОВР всегда было туго с пониманием, поэтому будем надеяться, что до них это не дойдет.

Выйдя из лифта, Ева окинула взглядом место происшествия и с облегчением отметила, что Трухарту хватило ума не трогать трупы. Двое мужчин лежали в коридоре: один лицом вниз, в луже засыхающей крови, другой – удивленно глядя в потолок. Из открытой двери рядом с трупами доносились плач и стоны. Дверь напротив также была открыта. Ева обратила внимание на несколько свежих вмятин в стенах коридора, обломки дерева, брызги крови. На полу валялась сломанная бита, покрытая кровью.

Бледный, как призрак, Трухарт стоял в дверном проеме. Его глаза казались остекленевшими.

– Лейтенант...

– Держите себя в руках, Трухарт. Включай запись, Пибоди.

Ева присела возле трупов. Мужчина с окровавленной головой был крупным и массивным – такой способен проломить стену, если его разозлить как следует. Его затылок походил на яйцо, разбитое кирпичом. На втором трупе были только выцветшие спортивные шорты. На тощем костлявом теле не было ни ран, ни синяков, но алые полосы возле ушей и ноздрей свидетельствовали, что оттуда сочилась кровь.

– Офицер Трухарт, вам удалось опознать жертвы?

– Да, сэр. Первая жертва – Ралф Вустер, проживавший в квартире сорок два. А человек, которого я...

Ева вскинула голову, и он поспешно оборвал фразу.

– А вторая жертва? – подчеркнуто сухо спросила Ева.

Трухарт облизнул губы:

– Луи Когберн из сорок третьей квартиры.

– А кто рыдает в сорок второй?

– Сузанн Коэн, сожительница Ралфа Вустера. Это она звала на помощь из окна. Когда я появился на месте происшествия, Луи Когберн напал на нее с битой. И я... – Он снова оборвал фразу, так как Ева предостерегающе подняла палец. – Предварительное обследование показало следующее: первая жертва – мужчина смешанной расы, лет тридцати пяти, вес около двухсот тридцати фунтов, рост примерно шесть футов один дюйм, получил тяжелые травмы головы, лица и тела. Следы крови и фрагменты мозга на бите указывают, что она послужила орудием убийства. Вторая жертва – также мужчина лет тридцати пяти, белый, вес около ста тридцати фунтов, рост около пяти футов восьми дюймов, идентифицирован как нападавший. Причина его смерти пока не установлена. Имеются следы кровотечения из ушей и носа. Видимые раны и травмы отсутствуют.

Ева выпрямилась:

– Пибоди, проследи, чтобы к трупам не прикасались. Обследование я проведу после разговора с Коэн. Офицер Трухарт, вы использовали ваше оружие во время этого инцидента?

– Да, сэр. Я...

– Прошу вас временно передать оружие моей помощнице.

Двое патрульных в конце коридора недовольно заворчали, но Ева игнорировала их, не сводя глаз с Трухарта.

– Вы не обязаны отдавать оружие в отсутствие вашего адвоката. Но я прошу вас передать его Пибоди, чтобы впоследствии избежать лишних вопросов.

– Да, сэр.

Когда Трухарт потянулся за оружием, Ева положила ему руку на плечо.

– С каких это пор вы стали левшой, Трухарт?

– У меня побаливает правая рука.

– Вы пострадали во время этого инцидента?

– Он ударил меня пару раз, прежде чем...

– Человек, вооруженный битой, напал на вас при исполнении вами служебных обязанностей? – Ей хотелось встряхнуть его. – Почему же вы сразу об этом не сказали?

– Все произошло очень быстро, лейтенант. Он бросился на меня и...

– Снимите вашу рубашку.

– Сэр?

– Снимите рубашку, Трухарт! Пибоди, делай видеозапись.

Трухарт покраснел. «Господи, откуда такая стыдливость?» – думала Ева, когда он расстегивал рубашку. Она услышала, как Пибоди ахнула, но не могла определить, была ли тому причиной великолепная грудь Трухарта или огромный кровоподтек, растекающийся от правого плеча к локтю.

– Похоже, он действительно ударил вас пару раз. Я хочу, чтобы врач взглянул на ушиб. Когда вы в следующий раз пострадаете на работе, немедленно сообщайте об этом, а пока оставайтесь здесь.

Квартира выглядела чудовищно: стол был перевернут, вещи раскиданы... Хотя и было заметно, что жильцы не отличались особой аккуратностью, тем не менее при обычных обстоятельствах пол едва ли мог бы быть усеян битым стеклом, а стены забрызганы кровью, что делало их похожими на картины сюрреалистов.

Женщина, лежащая на койке, тоже, по-видимому, знавала лучшие дни. Ее левый глаз был перевязан, а раны на лице кровоточили.

– Она в состоянии говорить? – спросила Ева одного из медиков.

– Да. Мы не отправили ее в больницу, зная, что вы захотите расспросить ее. Только покороче – ей здорово досталось. У нее поврежден глаз, раздроблена скула и сломана рука.

– Мне нужно всего пять минут. – Ева склонилась над женщиной. – Мисс Коэн, я лейтенант Даллас. Вы можете рассказать мне, что случилось?

– Он помешался. По-моему, он убил Ралфа.

– Луи Когберн?

– Да! – Она застонала. – Ралф разозлился, что он включил музыку на полную мощность, да еще в такую жару. Ему хотелось просто отдохнуть, выпить пива... У Луи всегда громыкала музыка, но сегодня от нее просто лопались барабанные перепонки. Так было уже несколько дней.

– Что сделал Ралф?

– Постучал к нему в дверь и сказал, чтобы он выключил музыку. А Луи бросился на него, размахивая битой и вопя, как сумасшедший. Я испугалась, захлопнула дверь и бросилась к окну звать на помощь. Отсюда я слышала звуки ударов и крики Луи. Ралфа слышно не было. А потом он вошел сюда.

– Кто?

– Луи. Он был весь в крови, и глаза совершенно безумные. Луи бросился на меня с битой, я отскочила, а он стал крушить все вокруг, крича про какие-то кольца у него в голове. Потом он ударил меня битой по лицу... Я пришла в себя, только когда медики начали со мной возиться.

– Вы видели полицейского, который пришел к вам на помощь?

– Я ничего не видела. Ралф мертв, верно? – По ее щекам покатились слезы. – Они ничего мне не сказали, но Луи никогда бы до меня не добрался, если бы Ралф был жив.

– Да, к сожалению, он мертв. У Ралфа и Луи прежде бывали столкновения?

– Иногда они кричали друг на друга из-за музыки, но чаще вместе пили пиво или поку- ривали «Зонер». Луи вообще-то был тихий, никогда здесь ни с кем не дрался...

К ним подошел санитар.

– Лейтенант, мы должны ее забрать.

– Хорошо. Попросите кого-нибудь осмотреть моего подчиненного. Он получил пару уда- ров в плечо и предплечье. – Ева вышла в коридор следом за ними. – Трухарт, представьте мне подробный рапорт для видеозаписи.

– Да, сэр. Моя смена закончилась в восемнадцать тридцать, и я направился пешком из Управления...

– Куда?

Он слегка покраснел.

– К дому приятельницы, с которой договорился пообедать.

– У вас было назначено свидание?

– Да, сэр. Подходя к этому дому, я услышал крики о помощи, посмотрел вверх и увидел женщину, высовывающуюся из окна. Она выглядела испуганной и громко кричала. Я вошел в дом, поднялся на четвертый этаж...

– Вы поднимались по лестнице или в лифте?

«Нужно заставить его вспомнить все детали», – подумала Ева.

– По лестнице, сэр. Я решил, что так будет быстрее. Поднявшись на этот этаж, я уви- дел мужчину, позднее идентифицированного как Ралф Вустер, лежащего на полу в коридоре между сорок второй и сорок третьей квартирами. Тогда я не стал его осматривать, так как слы- шал крики и звук бьющегося стекла из сорок второй квартиры. Войдя туда, я увидел мужчину, позднее идентифицированного как Луи Когберн. У него в руке было орудие, похожее на бейс- большую битку. Орудие... – Он судорожно глотнул. – Орудие было покрыто кровью и каким- то серым веществом. Женщина лежала на полу без сознания. Когберн стоял над ней, держа битку над головой, словно собирался нанести очередной удар. Я достал свое оружие, сказал, что я полицейский, и потребовал положить битку и стоять на месте. – Трухарт провел по губам тыльной стороной ладони, устремив на Еву беспомощный умоляющий взгляд. – Дальше все произошло очень быстро.

– Продолжайте.

– Когберн повернулся ко мне, что-то крича о кольях у него в голове и о том, что он взо- рвет окно, потом снова поднял битку. Я испугался, что он ударит женщину, и хотел его остано- вить. Тогда Когберн бросился на меня. Я пытался увернуться, но он ударил меня два раза и, кажется, сломал битку. Я что-то опрокинул и ударился о стену. Когберн снова кинулся на меня, размахивая биткой. Я крикнул, чтобы он остановился, но он не реагировал... – Голос Трухарта дрогнул. – Мне пришлось воспользоваться парализатором. На нем был установлен самый низ- кий уровень, Когберна должно было только оглушить. Можете посмотреть сами, лейтенант...

– Что произошло дальше?

– Когберн закричал, как... Я никогда не слышал ничего подобного. Он с криком побежал в коридор и свалился там. Я подумал, что он просто оглушен, но когда наклонился, чтобы надеть на него наручники, то увидел, что он мертв. Пульса не было. Я растерялся, сэр. Я знаю, что поступил неправильно, позвонив вам, прежде чем уведомить...

– Это неважно. Вы использовали оружие, опасаясь за вашу жизнь и жизнь гражданских лиц?

– Да, сэр.

– Луи Когберн игнорировал ваше требование отдать битку?

– Да, сэр.

Ева обратилась к одному из патрульных в коридоре:

– Проводите полицейского Трухарта вниз. Врач должен осмотреть его травмы. И оставайтесь с ним, пока я здесь не закончу. Трухарт, позвоните вашему адвокату.

– Но, сэр...

– Я советую вам связаться с вашим адвокатом, – перебила Ева. – Заявляю для протокола: судя по результатам первоначального обследования места происшествия и опроса Сузанн Коэн, ваш отчет об инциденте вполне удовлетворителен. Использование вами оружия было необходимо для защиты вашей жизни и жизни гражданских лиц. Это все, что я могу вам сказать до завершения расследования. А теперь спуститесь к машине, позвоните вашему адвокату и дайте врачу вас осмотреть.

– Да, сэр. Благодарю вас.

– Пошли, Трухарт. – Патрульный похлопал его по спине.

– Бедняга страшно потрясен, – заметила Пибоди.

– Ему придется с этим справиться.

– Кто-нибудь из патрульных знает убитых?

– Это сектор Проктора. Он может их знать.

– Позовите его. – Ева направилась в квартиру сорок три.

Здесь царили грязь и беспорядок; пахло испорченной пищей и грязным бельем. На кухне помещались лишь небольшой шкаф, мини-автоповар и маленький холодильник. На шкафу стояла большая банка. Прочитав этикетку, Ева подняла брови.

– Мне что-то не верится, чтобы наш Луи Когберн пек пироги. – Она открыла шкаф и посмотрела на ряд запечатанных банок. – Похоже, он занимался наркотой. Обрати внимание: здесь очень аккуратно, а во всей квартире свинарник. – Ева огляделась. – Хотя на мебели нет пыли. Это тоже странно. Никогда бы не подумала, что парень, спавший на простынях, от которых пахнет болотом, стал бы вытирать пыль. – Ева открыла стенной шкаф. – Здесь тоже опрятно. Одежда чистая, хотя за модой он явно не следил. Посмотри на это окно, Пибоди.

– Да, сэр?

– Стекло чистое внутри и снаружи. Кто-то вымыл его совсем недавно. Какой смысл мыть окна, если оставляешь на полу остатки пищи?

– Может, прислуга взяла отпуск?

– Кто-то его точно взял. Похоже, нижнее белье валяется здесь не меньше недели. – Она повернулась к двери, когда вошел патрульный. – Вы Проктор?

– Да, сэр.

– Вы знали убитых?

– Я знал Луи Когберна. – Проктор покачал головой. – Ну и бардак... Прошу прощения, лейтенант, но Трухарта, похоже, вот-вот вырвет.

– Расскажите мне о Когберне, а о Трухарте я сама позабочусь.

Проктор выпрямился.

– Торговал наркотиками, но по мелочам. Давал школьникам пробовать «Зонер» и «Джаз», чтобы приучить их. На мой взгляд, пустая трата времени. Наркотошопы никогда не зарабатывали много на ребятах.

– Он обладал склонностью к насилию?

– Чего нет, того нет. Луи вел себя тихо; если прикажешь ему убираться, он тут же подчинился. Иногда, правда, смотрел так, словно ему хотелось вцепиться мне в горло, но у него кишка была тонка для таких дел.

– Не слишком, видно, тонка, если он размозил голову Ралфу Вустеру, ударил битой женщину и напал на полицейского.

– Может, он попробовал свой товар? Хотя это не его профиль. Возможно, Луи иногда покуивал «Зонер», но на большее его вряд ли хватало. Такое натворить можно только после «Зевса». – Проктор кивнул в сторону коридора.

– О'кей, Проктор, спасибо.

– Вообще-то мир станет чище без парня, сбывающего наркоту школьникам.

– Это не наше дело.

Отпустив патрульного, Ева подошла к столу Когберна и нахмурилась, глядя на экран компьютера:

АБСОЛЮТНАЯ ЧИСТОТА ДОСТИГНУТА.

– Что, черт возьми, это означает? – спросила она вслух. – Пибоди, на улицах появилась какая-нибудь новая дрянь под названием «Чистота»?

– Никогда о ней не слышала.

– Ладно, посмотрим, чем он занимался в последнее время. А ты, Пибоди, пока проверь все новые и известные наркотики.

Ева ввела в компьютер свою фамилию и номер жетона и нажала клавишу предыдущего задания. На экране появилась аккуратная таблица с перечнем товара, данными по прибыли, потерям и закодированные имена клиентов.

– Похоже, Луи занимался своей бухгалтерией, когда что-то укусило его в задницу и он набросился на соседа.

– Сейчас очень жарко, Даллас. – Пибоди посмотрела на экран поверх плеча Евы. – Некоторых это сводит с ума.

– Да. Возможно, все дело действительно в этом.

– В списке ничего похожего на «Чистоту», лейтенант. Такой наркотик нам неизвестен.

– Тогда что это значит и каким образом это «достигнуто»? – Ева отошла от компьютера. – Ладно, давай взглянем на Луи Когберна. Посмотрим, что он нам сообщит.

2

Он не сообщил ей того, что ей хотелось бы узнать. Самое большее, что смогла определить Ева с помощью своего полевого набора, это что Луи Когберн умер в результате некоего неустановленного воздействия на нервную систему. Такое определение едва ли вызовет одобрение начальства.

Ева передала тело медэкспертам с пометкой «срочно». Учитывая невыносимую жару и в связи с этим большое количество трупов, это означало, что ей повезет, если она получит заключение к первым заморозкам.

Ева решила ускорить процедуру, побеседовав со старшим медэкспертом, а пока поговорила по телефону с адвокатом Трухарта и отослала потрясенного беднягу домой, приказав готовиться к тестированию. После этого она вернулась в Управление писать рапорт о происшествии, повлекшем за собой две смерти и одно серьезное ранение. Если бы Трухарт, следуя правилам, сам уведомил отдел внутренних расследований, все было бы гораздо проще.

Домой Ева вернулась только к вечеру. Уже горел свет, и воздвигнутая Рорком крепость сияла, как маяк в ночи. Деревья отбрасывали зеленые узорчатые тени на траву и цветы, сверкающие всеми красками при дневном свете. Находящийся по соседству Нижний Ист-Сайд, исправно поставлявший всяческие происшествия, казалось, был удален на целую вселенную от этого рая, где царили богатство и роскошь. Впрочем, Ева уже привыкла к этим переходам из одного мира в другой. Точнее, почти привыкла.

Она взбежала по каменным ступенькам, спеша поскорее скрыться от мучительной жары в прохладном доме.

Но стоило ей шагнуть в вестибюль, как перед ней возник Соммерсет, дворецкий Рорка.

– Да, я пропустила обед, – заявила Ева, прежде чем он успел открыть рот. – Да, я никудышная жена и вообще самый отвратительный образец рода человеческого. Мне недостает воспитания, и я понятия не имею о приличиях. Меня следует протащить по улице голую и побить камнями за мои грехи.

Соммерсет приподнял бровь.

– Что ж, мне нечего добавить.

– Значит, я сэкономила время. – Ева начала подниматься по лестнице. – Рорк вернулся?

– Только что. – Соммерсет нахмурился, явно огорченный тем, что Ева лишила его возможности сделать ей замечание. – Он ждет вас в своем кабинете.

Ева бросила тоскливый взгляд в сторону спальни, испытывая непреодолимое желание прыгнуть под душ. Но чувство вины направило ее к кабинету Рорка.

Дверь была открыта, и она услышала его голос.

Очевидно, Рорк оговаривал детали сделки, заключенной во время сегодняшнего обеда. Но Ева прислушивалась не к словам, а к голосу, который до сих пор волновал ее. Этот удивительный ирландский голос словно превращал в музыку сухие факты и цифры.

Голос Рорка идеально соответствовал его исполненному дикой кельтской красоты лицу, с удивительной синевы глазами и твердой линией крупного рта. Очевидно, один из ирландских богов, склонный к ваянию, вылепил его в особо удачный для себя день.

Ева остановилась на пороге, глядя на Рорка, который, стоя у окна, диктовал текст. Его густые черные волосы, которые обычно свободно ниспадали на плечи, были аккуратно зачесаны назад и собраны на затылке. Высокий, стройный, облаченный в черный вечерний костюм, Рорк являл собой образец безупречного успешного бизнесмена, но Ева видела под внешним лоском неистовую кельтскую натуру, так привлекавшую ее.

Такого Рорка она и увидела сейчас, когда он обернулся и встретился с ней взглядом.

– Подпись «Рорк», – закончил он диктовку. – Передайте текст и отошлите копию компании «Хагерман-Росс». Добрый вечер, лейтенант!

– Привет. – Ева сунула руки в карманы. Просто удивительно, как этим рукам всегда хочется прикоснуться к Рорку! – Прости, что не явилась на обед.

Он усмехнулся:

– Зато тебе не пришлось скучать, как ты опасалась.

– Если бы мне пришлось скучать так, как я опасалась, то я бы впала в кому. Но я сожалею, что подвела тебя.

– Ты меня не подвела. – Подойдя к ней, Рорк наклонился и поцеловал в губы. – Я только вырос в их глазах, когда извинился за жену, которой пришлось задержаться на службе из-за очередного преступления. Убийство всегда оживляет застольную беседу. Кого прикончили на сей раз?

– Двух парней в нижней части города. Мелкий наркоторговец огрел соседа бейсбольной битой, потом набросился на женщину и копа, который его и прикончил.

Рорк удивленно поднял бровь. Происшествие было довольно заурядным, и он не понимал, почему в глазах Евы столько беспокойства.

– Едва ли эта история могла задержать тебя допоздна.

– Копом был Трухарт.

– Ага! – Рорк положил руки ей на плечи. – Ну, и как он после этого?

Ева покачала головой и шагнула назад.

– Паршиво. Парень, можно сказать, лишился девственности.

Рорк погладил Галахада – толстого кота, растянувшегося на консоли.

– Интересная метафора.

– Некоторым копам за всю жизнь не приходится никого убивать. А тут парень носит униформу меньше года – и на тебе! Для него это все меняет.

– А для тебя тоже все изменилось, когда тебе впервые пришлось убить кого-то, находясь на службе?

Рорк знал, что Ева убила человека задолго до того, как получила жетон. Она и сама часто спрашивала себя, насколько это повлияло на ее отношение к смерти вообще. Не потому ли она воспринимает чужую смерть как личное оскорбление?

– Я – другое дело. Трухарту всего двадцать два года – он еще... не привык к такому. – Жалость душила Еву. Она наклонилась и рассеянно почесала шею Галахада. – Этой ночью парень наверняка не сможет заснуть – будет снова и снова проворачивать в голове то, что произошло, думать, мог ли он поступить иначе. А завтра... – Ева выпрямилась и закрыла лицо руками. – Я не могу помешать тестированию.

Она хорошо знала, что это такое. К раздетому догола человеку присоединяют мониторы, копаются у него в голове.

– Ты боишься, что он не выдержит?

Обернувшись, Ева взяла бокал вина, который протягивал ей Рорк.

– Трухарт крепче, чем кажется, но он смертельно напуган и считает себя виноватым. Сомнения и чувство вины могут утопить кого угодно во время тестирования. А если это случится, отдел внутренних расследований начнет разбирательство.

– Почему?

Ева села в кресло и начала рассказывать, поглаживая кота, который успел устроиться у нее на коленях. Когда сообщаешь подробности человеку, способному быстро воспринимать услышанное, упорядочиваются и собственные мысли.

– Парализатор не может убить при таких обстоятельствах, – заметил Рорк.

– Вот именно, – кивнула Ева. – Он должен был только оглушить. А для того чтобы перекрыть пульсацию на шее, потребовалось бы несколько выстрелов.

– Следовательно, версия событий, изложенная Трухартом, не совсем верна?

Ева сразу же подумала о том, как сделать, чтобы в ОВР не пришли к подобному выводу.

– Трухарт находился в чрезвычайных обстоятельствах. Один человек был убит, другой серьезно ранен, да и сам он получил травму.

– Эти доводы ты собираешься представить своим коллегам из ОВР?

Рорк всегда понимал все с полуслова.

– В общем, да. – Ева нервно барабанила пальцами по бокалу. – Мне нужен рапорт мед-эксперта. Конечно, Трухарта не будут обвинять в том, что он намеренно прикончил этого типа. Но его на месяц отстранят от службы за то, что поддался панике, и подвергнут принудительному лечению. Я не в состоянии этому помешать. И какого черта он связался со мной, прежде чем официально уведомить о происшедшем?! Люди из ОВР сразу поймут, что парень хотел обзавестись прикрытием, и ему крышка.

Рорк сел рядом с Евой.

– А ты не думала обратиться к своему старому другу Уэбстеру?

Ева перенесла барабанную дробь с бокала на подлокотник кресла и устремила взгляд на Рорка. Его усмешка ей не понравилась.

Дон Уэбстер, строго говоря, не был «старым другом» Евы. Когда-то в течение короткого времени он был ее любовником. По каким-то непонятным для Евы причинам Дон никак не мог забыть единственную ночь, которую они провели вместе. И это привело однажды к его бешеному столкновению с Рорком.

Еве никак не хотелось повторения этого эпизода.

– Возможно, я так и сделаю, – ответила она, – если только ты не воспользуешься этим обстоятельством, чтобы снова разукрасить его физиономию.

Рорк покачал головой:

– Думаю, мы с Уэбстером отлично поняли друг друга. Я не могу порицать его за то, что ему нравится моя жена, так как мне она нравится не меньше. Но он знает, что если снова потянет лапы к тому, что принадлежит мне, то я пересчитаю ему все кости.

– Великолепно, – буркнула Ева. – Кстати, Дон уже обо всем забыл. Он сам так сказал.

На лице Рорка вновь появилась ленивая кошачья улыбка, и Ева нахмурилась.

– И вообще, у меня есть о чем подумать и без этого. Сейчас бы лучше всего позвонить майору, но нельзя. Нужно действовать строго по правилам. Бедный парень в жутком состоянии, а я ничего не могу для него сделать!

– С ним все будет в порядке, мамочка.

– Неужели ты не понимаешь? Ведь это я перевела его в Главное управление. А несколько месяцев назад он из-за меня попал в больницу...

– Ева!

– Ладно, из-за меня он оказался в ситуации, которая привела его в больницу. А теперь он подозревается в необоснованном убийстве гражданского лица, и я несу за это ответственность.

– Ты всегда и за все чувствуешь себя ответственной. – Рорк прикрыл ладонью ее беспокойные пальцы. – Вот почему Трухарт позвонил тебе в первую очередь. Он был потрясен и напуган. Лишить человека жизни для большинства людей не так уж просто. Разве это не делает его хорошим копом?

– Да, и я воспользуюсь этим аргументом. Но здесь что-то не так, Рорк! – Ева вскочила. Галахад недовольно поднял хвост и демонстративно покинул комнату. – На шее убитого нет ожогов. Они должны были быть там, если бы его убил выстрел Трухарта.

– А он не мог воспользоваться каким-нибудь другим смертоносным оружием?

– Трухарт? – Ева покачала головой. – Не представляю, чтобы он мог носить незарегистрированное оружие. Но даже если я ошибаюсь, где оно? При нем его не было, в квартире тоже. Аппараты для переработки отходов я тоже проверила. Трухарт позвонил мне через несколько

минут после убийства. У него просто не было времени придумать надежное место, куда можно выбросить оружие. Кроме того, это не имеет смысла. – Она снова села. – Возьмем этого Луи Когберна. Патрульный коп, соседи, даже пострадавшая от него женщина описывают его как жалкого слабака, сбывавшего наркоту школьникам. За ним числится многое, но ничего, связанного с насилием. Ни нападений, ни избиений. И в его квартире нет никакого оружия.

– А бита?

– Он играл в бейсбол. А в тот день сидел за компьютером в одних шортах. Все записи очень аккуратные, а в квартире свинарник. Но свинарник не обычный. Кухонные шкафы в порядке, окна вымыты, но повсюду грязные тарелки и остатки пищи, валяется белье, приготовленное для прачечной. Как будто он вдруг заболел или пьянствовал целую неделю.

Ева взъерошила непослушные волосы, пытаясь представить себе Луи Когберна, сидящего за компьютером в тесной и душной комнатухе у открытого окна.

– Он включает музыку на полную мощность, но, по словам соседей, в этом не было ничего нового. Ралф из квартиры напротив выходит в коридор и колошматит ему в дверь. Опять же ничего нового. Но на этот раз Луи вместо того, чтобы уменьшить громкость, хватается битой и проламывает голову соседу и собутыльнику, превратив его лицо в месиво и сломав крепкую битую, хотя сосед тяжелее Луи на добрую сотню фунтов.

Рорк знал, что в эти минуты Ева видит все происшедшее мысленным взором.

– Трудно сопротивляться, когда мозги вытекают из ушей, – заметил он.

– Да, нелегко. Но потом Луи с диким криком врывается в квартиру соседа и нападает на женщину. Появляется коп, и Луи набрасывается на него.

– Жара иногда сводит людей с ума.

– Да, но Луи сидел и занимался своей бухгалтерией, как делал каждый вечер в одно то же время. Нет, тут что-то не так... – Ева нахмурилась. – Ты знаешь наркотик под названием «Чистота»?

– Нет.

– И никто не знает. Когда я вошла в его квартиру, компьютер был включен, и на экране были слова: «Абсолютная Чистота достигнута». Что за «Абсолютная Чистота» и как она была достигнута?

– Если это какое-то новое зелье, то почему им занимался мелкий наркоторговец?

– Меня это тоже интересует. Компьютер отказался что-либо объяснять, даже когда я ввела свой полицейский код. Поэтому я отправила его в электронный отдел. Жаль, что нельзя привлечь Фини – против правил использовать начальника электронного отдела для стандартного поиска данных.

– Ты могла бы использовать меня...

– А это, по-твоему, было бы по правилам? Кроме того, ты работал.

– Да, работал и ел, чего и тебе желаю. Ты голодна?

– Сейчас, когда ты об этом заговорил, я поняла, что действительно проголодалась. Что ты ел?

– Хм-м! Холодный суп с черносливом, салат с крабами и превосходную жареную камбалу.

Ева поднялась:

– Я могла бы обойтись хорошим сэндвичем.

– Так я и думал.

* * *

Лежа в постели и уставясь в потолок, Ева перебирала в уме данные, показания, версии. Все выглядело весьма сомнительно, и трудно было предугадать, как это может повлиять на молодого, многообещающего полицейского.

Трухарт обладал ясным умом, преданностью делу и идеалами, которые сверкали, как полированное серебро. «Чистота...» Это слово ассоциировалось у нее прежде всего с Трухартом.

Но сегодня он лишился части своей чистоты, которую никогда не сможет вернуть. И будет незаслуженно страдать из-за этого.

«И никакая я не мамочка», – сердито подумала Ева, обернувшись к Рорку в темноте. Он тут же придвинулся к ней, скользнув руками по ее груди.

– Раз уж тебе некуда девать энергию...

– О чем ты? Я сплю.

– Как бы не так! Твои мысли скачут так громко, что могут разбудить мертвого. Почему бы мне не протянуть тебе руку помощи?

Рорк привлек ее к себе, и Ева усмехнулась:

– Чтобы дать выход моей энергии, тебе придется протянуть не только руку...

* * *

На расстоянии тридцати шести кварталов от дома Рорка Трой Трухарт тоже лежал в темноте, глядя в потолок. Никто не делил с ним постель и не мог его отвлечь и утешить. Лицо убитого им человека неотступно преследовало его.

Конечно, ему следовало принять разрешенный полицейским департаментом транквилизатор, но Трухарт боялся заснуть и снова увидеть это лицо во сне.

Брызги крови на стенах темного коридора... Даже сейчас, в своей аккуратной квартире, Трухарт ощущал запах крови. Он слышал полные ужаса и боли женские вопли, голос Луи Когберна, похожий на рев обезумевшего зверя, и его сердце начинало бешено колотиться.

Почему он не вызвал подкрепление? Ему надо было это сделать, как только он услышал женские крики о помощи. Но вместо этого он ринулся в дом, думая только о том, чтобы защитить женщину.

Мчась вверх по лестнице, он кричал, чтобы кто-нибудь позвонил по номеру девять-один-один. Но никто этого не сделал, иначе копы прибыли бы гораздо раньше лейтенанта Даллас. Как могли люди за закрытыми дверями ничего не делать, когда их соседка звала на помощь? Это было выше его понимания.

При виде мужчины в коридоре, которому помощь уже не требовалась, Трухарт ощутил спазм в животе и шум крови в голове. Это был страх. Да, он очень испугался. Но долг велел ему войти в открытую дверь, откуда доносились крики.

А что потом?

«Полиция! Немедленно бросьте оружие!» – крикнул он. Парализатор был у него в руке. Он вытащил его, когда поднимался по лестнице. Мужчина – Луи Когберн – повернулся к нему с окровавленной битой в руке. Маленькие глазки были почти незаметны на худощавой физиономии, красной от гнева и чужой крови.

Более темная, свежая кровь текла у него из носа. Имеет ли это значение?..

Безумец в шортах двигался быстро, как молния. Бита опустилась Трухарту на плечо, и он едва не выронил парализатор. Потом Луи Когберн повернулся к плачущей беспомощной женщине и снова взмахнул битой, чтобы нанести смертельный удар. И тогда он выстрелил.

Когберн вздрогнул, его красные от злобы глаза расширились, тело задергалось, как марионетка на веревочке. Он замертво рухнул в коридор лицом вверх, глядя в потолок своими жуткими красными глазами.

«Сегодня я убил человека...»

Трухарт зарылся лицом в подушку, пытаясь отогнать преследующие его видения и оплакивая мертвеца.

* * *

Утром Ева позвонила главному медэксперту Моррису, но ей пришлось оставить сообщение на автоответчике. Пытаясь говорить как можно доброжелательнее, она сообщила, что в случае надобности выкроит время и придет в морг поговорить с ним лично. Собственно, именно это Ева и собиралась сделать, а заодно еще раз взглянуть на тело Когберна.

После этого Ева скрепя сердце позвонила Дону Уэбстеру в отдел внутренних расследований. На сей раз она не стала скрывать свое недовольство, оставляя сообщение.

– Очевидно, крысиное бюро еще спит? А настоящие копы уже на службе. Загляни ко мне, когда явишься на рабочее место, чтобы портить жизнь коллегам.

«Возможно, не стоило его раздражать», – запоздало подумала Ева, отключая связь. Хотя, если бы она говорила более любезно, он бы понял, что ей от него что-то нужно.

– Лейтенант! – Трухарт стоял в дверях с фуражкой в руке. – Вы посылали за мной?

– Да, Трухарт. Входите и закройте дверь.

Поскольку Ева была офицером, ведущим расследование, она не нарушила правила, вызвав его к себе до тестирования.

– Садитесь, Трухарт.

Молодой полицейский, как и ожидала Ева, выглядел неважно. Даже сидеть он умудрялся по стойке «смирно». Взглянув на него, Ева тяжело вздохнула и налила в кружки черный кофе.

– Ночь была скверной?

– Да, сэр.

– День будет еще хуже. Тестирование – не прогулка по пляжу.

– Да, сэр, я об этом слышал.

– Вам лучше подготовиться. Смотрите на меня, когда я говорю с вами, Трухарт!

Ева произнесла эти слова отрывистым тоном приказа. Трухарт послушно поднял голову и выдержал пристальный взгляд Евы.

– Так-то лучше. Надеюсь, вы помните, что, надев униформу, получив жетон и право носить оружие, вы принимаете на себя всю ответственность, которую налагает служба. Уничтожение вами Луи Когберна было оправдано?

– Я не...

– Да или нет? Третьего не дано. Использование оружия было необходимым?

– Да, сэр.

– Если бы вы сегодня оказались в такой же ситуации, то снова прибегли бы к оружию?

Трухарт чуть заметно вздрогнул, но кивнул, утвердительно.

– Да, сэр.

– Это самое важное. – Ева передала ему кофе. – Держитесь сути дела, и вы выдержите тестирование. Главное, не пытайтесь никого перехитрить – у вас для этого кишка тонка. Отвечайте точно и правдиво. А на каждый вопрос об использовании оружия говорите, что вынуждены были это сделать ради сохранения жизни гражданского лица и вашей собственной.

– Да, сэр.

– Господи, Трухарт, до чего же вы послушный! На каком расстоянии вы находились от жертвы в момент выстрела?

- Я думаю...
- Не думайте. Отвечайте.
- Шесть футов. Может быть, пять с половиной.
- Сколько выстрелов вы произвели?
- Два.
- Во время столкновения ваше оружие... вступало в прямой контакт с жертвой?
- Контакт? – Трухарт выглядел озадаченным. – Нет, сэр. Он отскочил от меня, когда я выстрелил, а потом повернулся и снова бросился ко мне. Тогда я выстрелил вторично.
- Что вы сделали с незарегистрированным оружием?
- С чем?! – На его лице отразилось изумление, потом оно порозовело от негодования. – Сэр, у меня никогда не было незарегистрированного оружия! Только парализатор, который я имею право носить и который вы изъяли на месте преступления как вещественное доказательство. И меня возмущает...
- Бросьте. – Ева откинулась на спинку стула. – Я очень удивлюсь, если вам не зададут этот вопрос на тестировании. А уж ОВР точно его задаст. Так что поберегите ваше возмущение для них. Выпейте кофе, Трухарт.
- Да, сэр. – Он взял чашку, сделал глоток, и у него сразу же перехватило дыхание. – Это не кофе!
- Это настоящий кофе. Крепче, чем безвкусная бурда из наших автоматов, верно? Сегодня вам не помешает встряска. Слушайте внимательно, Трой. Вы хороший коп и со временем станете еще лучше. Лишить человека жизни всегда нелегко. Мы не можем вести себя после этого так, словно прихлопнули муху, иначе окажемся слишком похожими на тех, с кем призваны бороться.
- Лучше бы я нашел другой способ...
- Другого способа не было – не забывайте об этом. Чувствовать вину на вашем месте вполне естественно. Но при этом нужно оставаться уверенным, что вы сделали то, что должны были сделать в сложившихся обстоятельствах. Если они увидят, что вы в этом не уверены, то дерут с вас шкуру, как леопард с газели.
- Я действительно должен был это сделать. – Трухарт держал кружку обеими руками, словно боясь, что она выскользнет. – Прошлой ночью я сто раз заново прокрутил в голове все происшедшее, лейтенант, и понял, что иного выхода не было. Если бы я не выстрелил, он бы убил и эту женщину, и меня. А возможно, и еще кого-нибудь, попавшегося ему на пути. Но я допустил ошибку. Даже две. Я должен был вызвать подкрепление, прежде чем войти в дом, и официально уведомить о случившемся, прежде чем звонить вам.
- Да, вы допустили ошибки, – кивнула Ева, довольная тем, что он тщательно проанализировал ситуацию. – Конечно, вам все равно пришлось бы стрелять, но ошибки есть ошибки, и вам придется за них ответить. Кстати, почему вы не вызвали подкрепление?
- Я понял, что женщине угрожает непосредственная опасность. Поднимаясь, я громко кричал, чтобы кто-нибудь набрал девять-один-один, но на самом деле я должен был сделать это сам. Ведь если бы я не сумел остановить нападающего, еще несколько жизней могло быть потеряно.
- Отлично! Урок усвоен. А почему вы позвонили мне, не сделав официального уведомления?
- Я в тот момент плохо соображал, лейтенант. Два человека были мертвы, причем одного убил я, поэтому...
- Вы были дезориентированы вследствие полученных вами ударов, – твердо сказала Ева. – Вы боялись потерять сознание. Вашей первой мыслью было сообщить об убийстве, и вы сделали это, связавшись с лейтенантом отдела убийств, с которым когда-то работали. Все ясно, Трухарт?

- Да, сэр.
- Вы пребывали в физическом и душевном расстройстве.
- И все равно это было не по правилам.
- Да, но у вас есть оправдание. Вы справитесь. Я не для того перевела вас в Управление, чтобы смотреть, как вас признают непригодным.
- Меня отстранят от службы на месяц?
- Вполне возможно.
- Я это переживу. Но мне бы не хотелось навсегда потерять жетон.
- Вы его не потеряете. Отправляйтесь на тестирование, полицейский Трухарт. – Ева поднялась. – И покажите им, из какого теста вы сделаны!

* * *

Ева еще раз позвонила Моррису, потом решила зайти в электронный отдел, прежде чем отправиться с Пибоди в морг.

Электронный отдел всегда ее озадачивал. Как можно работать в полиции, расхаживая взад-вперед с наушниками и общаясь исключительно с компьютерами, было за пределами ее понимания. К тому же служащие этого отдела редко одевались, как копы. Нелепее всех выглядел франтоватый Макнаб, у которого был роман с Пибоди, но и остальные недалеко от него ушли.

Ева быстро зашагала к кабинету Фини.

Дверь была открыта – он редко закрывал ее, даже распекая подчиненного за какую-то оплошность. А Фини именно этим и занимался сейчас.

– Ты думаешь, что оборудование установлено здесь для твоего развлечения, Хэллоуэй? Чтобы ты играл в «Звездные войны» на деньги налогоплательщиков?

– Нет, сэр. Но у меня был перерыв на ленч, и я...

– А у тебя есть перерыв на ленч? – Лицо Фини, похожее на морду бассета, выражало удивление, негодование и тайную радость. – Очень интересно, Хэллоуэй. Обещаю, что в ближайшее время такие перерывы станут для тебя приятным воспоминанием. Возможно, ты не заметил, будучи занятым спасением виртуальной Вселенной и поеданием сэндвича, что у нас работы по горло. Преступность растет как на дрожжах, и мы, являясь служителями закона, должны из кожи лезть, спасая этот город, а не сражаться с агрессорами из другой галактики. Через полчаса мне нужен рапорт о хакере из Дабрека.

Хэллоуэй, казалось, съезился в своем ядовито-зеленом спортивном костюме.

– Да, сэр.

– Когда покончишь с этим, поможешь Силби разобраться со взломом компьютеров у Стюарта. Потом явишься ко мне. Убирайся.

Хэллоуэй убрался, бросив по пути обиженный взгляд на Еву.

– Когда утром надерешь чью-нибудь задницу, это придает энергии на весь день, – сказал Фини.

– Какой у него был счет в «Звездных войнах»?

– Пятьдесят шесть очков, – фыркнул Фини. – Чертов олух едва не побил мой рекорд, который я удерживаю три года, четыре месяца и двадцать два дня!

Присев на край стола, Ева взяла из чашки горсть миндаля.

– Слышал о Трухарте?

– Нет. Был очень занят. – На одутловатом лице Фини отразилось беспокойство. – А что с ним такое?

Ева подробно рассказала ему о происшедшем, и Фини запустил пальцы в рыжую шевелюру.

– Да, ему придется туго.

– Парень честно обо всем рассказал. Он скорее проглотит живую крысу, чем совет мне. Но тут что-то не так. Я отправила к вам компьютер и телефон Когберна и хочу, чтобы вы занялись ими как можно скорее. Я знаю, что ты занят, – поспешно добавила она. – Но мне очень срочно нужны все данные. Эта история с «Чистотой» дурно пахнет.

– Макнаба я не могу тебе уступить – он занят другим делом... – Внезапно его лицо прояснилось. – Хэллоуэй! Раз ему нечего делать, пусть займется этим. Сверхурочная работа ему не повредит.

– И поможет тебе сохранить рекорд.

– Надеюсь. – Он снова помрачнел. – Но твоему парню здорово достанется от ОВР.

– Знаю. Попробую отвести хоть часть ударов. – Она встала. – Мне нужно добраться до Морриса. Если моя догадка верна, Трухарт соскользнет с крючка.

3

Когда Ева вернулась в отдел убийств за Пибоди, несколько детективов в общей комнате многозначительно посмотрели на нее.

– Крыса в норе, – предупредил Бакстер, проходя мимо Евы и кивнув в сторону ее кабинета.

– Спасибо. – Ева засунула большие пальцы в карманы брюк и решительно направилась в кабинет.

Лейтенант Дон Уэбстер сидел на единственном свободном стуле, закинув ноги в лакированных туфлях на захламленный стол Евы и потягивая ее кофе.

– Привет, Даллас. Я только пришел.

– Но, я вижу, уже успел устроиться. – Ева стряхнула его ноги со стола. – Попиваешь мой кофе?

Уэбстер сделал большой глоток и удовлетворенно вздохнул.

– Должно быть, приятно иметь возможность выпить настоящий кофе, когда тебе захочется. Как поживает Рорк?

– Это что, светский визит? У меня нет времени на болтовню. Я на дежурстве.

– Не светский, но, надеюсь, дружеский. – Глядя на каменное лицо Евы, он пожал плечами. – Или нет? Должен признаться, выглядишь ты потрясно.

Ева закрыла дверь.

– Ты должен был получить рапорт об инциденте, происшедшем вчера между семьей и половиной восьмого вечера. Полицейский, приписанный к Главному управлению, возвращаясь с работы, откликнулся на...

– Даллас! – Уэбстер поднял руку. – Я получил рапорт и знаю об инциденте. Мне известно, что полицейский Трой Трухарт – ну и имечко! – сейчас подвергается тестированию. Коллеги побеседуют с ним и расследуют происшедшее после оценки результатов процедуры.

– Ему двадцать два года, Дон. Конечно, ему не хватает опыта, но он хороший коп. Я прошу тебя быть с ним помягче.

На лице Уэбстера мелькнуло раздражение.

– По-твоему, я каждое утро просыпаюсь с мыслью о том, скольких копов я сегодня уничтожу?

– Понятия не имею, с какими мыслями просыпаетесь ты и твои коллеги. – Ева внезапно разозлилась. – Признаться, я думала, ты уйдешь оттуда и снова станешь копом.

– Я не перестал им быть.

– После грязи, в которой тебе пришлось вывалиться в твоём ОВР?

– Поэтому я там и остаюсь, – спокойно отозвался Уэбстер, пригладив выющиеся каштановые волосы. – Я долго об этом думал, Даллас. Я понял, что верю в то, что делает наш отдел.

– Почему?

– Нам необходима сдерживающая система. Где власть, там коррупция, ты же знаешь. Они всегда идут рука об руку. Продажный коп не имеет права носить жетон. И он должен знать, что другие копы увидят, как этот жетон у него отбирают.

– Продажные копы меня не заботят. – Недовольная всем миром и собой в частности, Ева взяла у него чашку и глотнула кофе. – Черт возьми, Уэбстер, ты же отлично работал на улице!

– Думаю, я неплохо справляюсь и в нашем отделе.

– Отравляя существование новичкам вроде Трухарта? Который сделал то, что должен был сделать, защищая гражданское лицо и себя?

– Я читал рапорт, Даллас. Ясно, что существовала непосредственная угроза жизни. Но тебе известно, что там есть пробелы, и в связи с этим возникают вопросы.

– Может, позволишь мне самой в этом разобраться?

– Я бы с удовольствием оказал тебе услугу, но Трухарту придется дать показания. Он может сделать это в присутствии своего адвоката. Если хочешь, можешь тоже присутствовать. Господи, Даллас, мы вовсе не стремимся расправиться с этим парнем! Но когда полицейский убивает из служебного оружия, это требует рассмотрения.

– Трухарт абсолютно чист, Уэбстер.

– Тогда ему не о чем беспокоиться. Я лично этим займусь, если тебе от этого будет легче.

– Спасибо.

– Интересно, ты расскажешь Рорку, что обращалась ко мне? Или это его так взбесит, что мне снова придется с ним сразиться?

– Ах, значит, ты этим занимался, когда тебя вынесли из комнаты в бессознательном состоянии?

– Я как раз обрел второе дыхание.

Уэбстер провел рукой по подбородку. Он все еще помнил, как кулак Рорка врезался ему в лицо, словно с силой брошенный кирпич.

– Рада за тебя. Но я не отчитываюсь перед Рорком.

– Это тебе так кажется. – Уэбстер допил кофе. – Ты настолько примерная жена, что я буквально вижу, как маленькие голубки кружат у тебя над головой.

Ева покраснела от злости и унижения.

– Рорк не единственный, кто может тебя покаутировать!

– Не злись. Мне просто нравится смотреть на тебя. – Он усмехнулся, видя, как она прищурилась. – Только смотреть – не трогать. Я хорошо усвоил урок. Можешь не сомневаться, я буду вести себя безупречно – как с личной, так и с профессиональной точки зрения. Тебе этого достаточно?

– Да. В противном случае я бы к тебе не обратилась.

– Ладно, буду держать тебя в курсе. – Уэбстер открыл дверь и обернулся. Ему в самом деле нравилось смотреть на крепкую, худощавую и в то же время необычайно сексуальную фигуру Евы. – Спасибо за кофе.

Оставшись одна, Ева покачала головой. Она слышала, как шум в общей комнате сменился мертвой тишиной, когда Уэбстер проходил через нее. Он выбрал трудную дорогу. На полицейского, надзирающего за другими копами, всегда смотрят с подозрением, страхом и неприязнью.

Ева надеялась, что он не потеряет равновесия на этом скользком пути.

Она посмотрела на часы, прикидывая, сколько еще продлится тестирование Трухарта. Пожалуй, ей хватит времени, чтобы поторопить Морриса.

* * *

Трупы аккуратно лежали на каталках в коридоре возле прозекторской. За одиннадцать лет службы Ева редко видела столько мертвецов в одном месте и в одно время. «Защищать их уже поздно, – подумала она. – Но зато теперь их обслуживают по высшему разряду».

Пибоди шла рядом с Евой по широкому белому коридору морга.

– Господи, в этом месте всегда мороз по коже продирает! Кажется, что один из жмуриков вот-вот вскочит и схватит тебя.

– Подожди здесь. Если один из трупов бросится на тебя, зови на помощь.

– Очень смешно! – С опаской глядя на каталки, Пибоди заняла пост у двери.

В прозекторской Моррис делал лазерным скальпелем разрез на одном из тел, лежащих на столах. Его глаза были прикрыты темными очками, длинные, перехваченные лентой волосы – пластиковым капюшоном, а синий костюм – защитным халатом.

– Какой смысл в автоответчике, если ты им не пользуешься? – осведомилась Ева.
– Этим утром прибыла целая компания после аварии воздушного автобуса. Разве ты не получила рапорт?

– Мне своих хватает. Сколько жертв?

– Двенадцать погибших, шесть раненых. Какой-то тупица на аэромашине умудрился его протаранить. Пилоту удалось контролировать спуск, но пассажиры запаниковали. Добавь к этому поножовщину в клубе, окончившуюся гибелью обоих участников и оказавшейся рядом женщины, и каждодневные происшествия со смертельным исходом, и ты поймешь, что у нас хлопот полон рот.

– Один из твоих трупов – ополоумевший тип, которого, защищаясь, прикончил новичок-полицейский. Никаких следов контакта парализатора с жертвой. Конфискованный у полицейского парализатор был установлен на низкий уровень действия.

– Тогда это не могло его убить.

– Тем не менее он мертв, как и остальные твои клиенты.

Моррис завершил разрез.

– Без непосредственного контакта полицейский парализатор мог убить только в том случае, если нервная система или дыхательные органы у твоего полоумного были в очень тяжелом состоянии. Настолько, что электронный разряд, усугубив его, вызвал смерть.

Именно это Ева и хотела услышать.

– Значит, смерть, по большому счету, была вызвана не применением оружия?

– Технически – да. Однако...

– Будь другом, Моррис, взгляни на труп. Сойдет и технически. Речь идет о Трухарте.

Моррис снял очки.

– Это тот паренек с персиковым пушком на лице, который выглядит так, словно сошел с рекламного ролика зубной пасты?

– Он самый. Сейчас его тестируют, а потом им займется ОВР. Но так как в этой истории полно нестыковок, мне бы хотелось дать ему лазейку.

– Где труп?

– Здесь, четвертый по счету, – Ева указала пальцем.

– Подожди минутку. Я хочу прочитать рапорт. – Моррис подошел к компьютеру. – Как его звали?

– Луи Когберн.

Моррис вывел на экран данные и стал читать их, напевая себе под нос какую-то мелодию, показавшуюся Еве знакомой. Навязчивый мотив звучал у нее в голове, обещая застрять там надолго.

– Наркодилер... – бормотал Моррис. – Если он перебрал своего товара, могли возникнуть неприятности с сердцем и нервной системой. Кровотечение из ушей и носа, лопнувшие кровеносные сосуды в глазах... Хм-м!

Подойдя к столу, где лежало обнаженное костлявое тело Когберна, Моррис надел очки и наклонился так низко, словно собирался поцеловать мертвеца. Потом он включил запись и начал диктовать предварительные данные, основанные на визуальном осмотре.

– Ну, теперь давай вскроем его и посмотрим, что там внутри. Хочешь подождать здесь?

– Да, если это быстро.

– Гениев не следует торопить, Даллас!

Еву часто интересовало, почему человек выбирает работу патологоанатома и при этом шутит, занимаясь ею. Подойдя к холодильнику, она взяла банку имбирного пива и вернулась к Моррису.

– Что ты...

– Ш-ш!

Ева нахмурилась, но подчинилась. Обычно Моррис болтал за работой, но сейчас он хранил молчание, глядя то на содержание черепной коробки Когберна, то на экран возле стола.

Ева тоже посмотрела на экран, но не увидела ничего, кроме непонятных разноцветных пятен.

– Ты наводила справки насчет того, подвергался ли этот парень каким-то медицинским процедурам?

– Да. Он не лечился и не обследовался года два.

– Тем не менее с мозгом у него что-то странное. Парализатор не мог вызвать такое повреждение. Опухолей и тромбов не вижу. Если имела место эмболия, то здесь должно быть... Внутричерепное давление очень высокое, и мозг сильно распух.

– При жизни?

– Пока не могу сказать. Это требует времени. Любопытно... Мозг буквально лопнул, как воздушный шар. По моему мнению, никакое оружие не могло это вызвать.

– А лекарство?

– Мне нужно провести тесты. Свяжусь с тобой, когда получу надежные данные.

– Можешь сообщить мне хоть что-нибудь?

– Только то, что мозг этого человека был в скверном состоянии задолго до вчерашнего вечера. То, что произошло с его мозгом, не является результатом электронного разряда. Такого бы не случилось, даже если бы твой полицейский вставил парализатор ему в ухо. Я, конечно, не могу утверждать, что разряд не вызвал цепную реакцию, ускорившую наступление смерти. Но, судя по состоянию мозга, его обладатель все равно умер бы в течение часа. Я дам тебе знать, когда разберусь, что к чему. А теперь уходи и не мешай мне работать.

* * *

Ева распечатала квартиру Когберна, и, как только открыла дверь, зловоние ударило ей в нос, словно грязный кулак.

– Боже, ну и запах!

– Да уж. – Отвернувшись, Пибоди набрала в легкие чистый воздух и шагнула в квартиру следом за Евой.

– Открой окно, пока мы здесь. Невозможно работать в закупоренном ящике.

– Что мы ищем?

– Вскрытие Когберна показало тяжелое заболевание мозга. Мы можем найти какое-то подтверждение или указание на то, что он занимался самолечением. Мне с самого начала показалось, что квартира выглядит так, как будто хозяин заболел. Он, конечно, был гнидой, но достаточно аккуратной и организованной гнидой. Однако в последние несколько дней махнул рукой на домашнее хозяйство, хотя и содержал в порядке свою бухгалтерию. Возможно, болезнь вкупе с жарой измучили его, а жалоба соседа окончательно вывела из равновесия.

– Так ли уж важно, почему Когберн проломил соседу голову битой?

– Причина всегда важна, – отозвалась Ева. – Ралф Вустер мертв, и Когберн заплатил за это. Но мы должны выяснить, почему это случилось. – Она открывала ящики, которые уже обыскивала вчера. – Может, он уже давно таил злобу на Вустера – хотел трахнуть его женщину или заполучить его деньги. А в тот момент, когда ему было так скверно, Ралф стал колошматить в дверь и кричать на него. – Присев на корточки, Ева посветила фонариком в глубь шкафа. – Что-то заставило его сорваться. Может быть, у него уже плавился мозг. Моррис утверждает, что он все равно должен был вот-вот умереть.

– Тем не менее Трухарта сейчас тестируют. – Пибоди посмотрела на часы. – Или только что закончили тестировать. А потом ему придется иметь дело с ОВР независимо от того, был Когберн чем-то болен или нет.

– Да, но Трухарту станет гораздо легче, если выяснится, что настоящей причиной смерти была болезнь. В таком случае его не отправят в принудительный месячный отпуск. – Ева нахмурилась. – Как бы то ни было, мне все это не нравится.

– Что это за мелодию вы напеваете?

Ева выпрямилась, обругав себя.

– Не знаю. Черт бы побрал Морриса! Давай-ка постучим к соседям.

* * *

Удивительно, сколько людей теряет слух или дар речи, когда им приходится общаться с полицией.

Большее половины дверей, в которые стучала Ева, оставались закрытыми, а доносившиеся изнутри звуки тотчас же смолкали. Те же, кто открывал дверь, давали немногословные ответы типа «ничего не видел, не слышал и не знаю».

Но в квартире на первом этаже терпение Евы было вознаграждено.

Дверь открыла заспанная молодая блондинка в тонкой майке и белых слаксах. Она зевнула в лицо Еве и быстро заморгала, когда ей показали жетон.

– Моя лицензия оплачена. Мне ее продлили на шесть месяцев, и я только что прошла медицинский контроль. У меня все о'кей.

– Рада слышать. – Девушка выглядела достаточно свежей – по-видимому, ее карьере лицензированной компаньонки еще не исполнился год. – Но я здесь не по этому поводу, а из-за того, что произошло вчера на четвертом этаже.

– Жуткая история! Я пряталась в шкафу, пока не прекратились крики. Там была драка, двух человек прикончили, и все такое.

– Вы знали кого-нибудь из убитых?

– Более-менее.

– Не могли бы мы войти, мисс?

– Меня зовут Рини – Рини Пайк. Вообще-то, моя фамилия Пиковски, но я изменила ее на Пайк, это звучит более сексуально. Ладно, входите. Моя инструкторша говорит, нам лучше сотрудничать с полицией, чтобы избежать неприятностей, и все такое.

Ева подумала, что девушка в качестве лицензированной проститутки выглядит так же, как Трухарт в качестве полицейского. Так же еще молода и невинна, несмотря на избранную профессию.

– Хороший принцип, Рини.

– Только у меня жуткий беспорядок. Днем я в основном сплю – особенно в такую жару. Управляющий никак не установит кондиционер.

– Может, мне попробовать его уговорить? – предложила Ева.

– Это было бы здорово! Трудно приводить сюда клиентов – здесь слишком жарко для секса и все такое. У меня ведь лицензия только на уличную работу, а клиенты с улицы обычно не хотят тратиться на комнату в отеле.

Мебель была скудной, а расположение комнат такое же, как в квартире Когберна. Беспорядок создавали разбросанная одежда, три встрепанных парика и нагромождение косметики на комод у окна.

Воздух был жарким, как в духовке.

– Что вы можете рассказать мне о Луи Когберне? – начала Ева.

– Он любил делать это быстро и просто – без всяких ухищрений.

– Очень интересно, Рини, но я спрашиваю не о его сексуальных предпочтениях. Впрочем, раз уж вы это упомянули... Он был вашим постоянным клиентом?

– Что-то вроде того. – Рини двигалась по комнате, подбирая одежду и закидывая ее в шкаф. – Он приходил раз в две недели с тех пор, как я въехала сюда. Мистер Когберн был очень вежлив, говорил, как удобно иметь в доме лицензированную компаньонку, и даже предлагал расплачиваться своим товаром. Но я ответила, что предпочитаю деньги, так как коплю на лицензию девушки по вызову, а наркотиками не балуюсь, и все такое... О! – Она хлопнула себя ладонью по рту. – Я не должна была говорить о его занятиях. Но раз уж он мертв...

– И все такое. Не беспокойтесь, Рини, мы знаем о его бизнесе. Скажите, Когберн ссорился с кем-нибудь из жильцов до вчерашнего вечера?

– Никогда. Он всегда был тихим и вежливым. Держался особняком, ни с кем особо не общался.

– Когберн когда-нибудь упоминал о каких-нибудь проблемах, связанных с Ралфом Вустером или Сузанн Коэн?

– Нет. Я знакома с Сузи. Несколько дней назад мы с ней сидели на крыльце и пили пиво, потому что в квартире было жутко жарко. Сузи славная. Она рассказывала, что они с Ралфом собираются пожениться, и все такое. Сузи работает в закусочной за углом, а Ралф был вышибалой в клубе – забыла в каком. Может, я навещу ее в больнице.

– Думаю, она будет рада. Вы не заметили какие-нибудь изменения в мистере Когберне за последние несколько дней?

– Вообще-то да. Хотите чего-нибудь холодненького? У меня есть лимонад.

– Нет, спасибо. Продолжайте.

– Я бы выпила воды, если не возражаете, – сказала Пибоди.

– Конечно. Небось трудно быть копом?

– Бывает нелегко. – Ева наблюдала, как Рини достает лимонад из холодильника. – Зато узнаешь все стороны человеческой жизни.

– Лицензированные компаньонки тоже многое видят.

– Так какие изменения вы заметили недавно в мистере Когберне?

– Ну... – Рини вернулась со стаканом лимонада для Пибоди и отпила немного из своего стакана. – Когда мы с Сузи сидели на крыльце, Луи как раз возвращался домой. Выглядел он скверно – бледный, потный, и все такое. Я спросила, как он переносит жару. А он злобно посмотрел на меня и посоветовал держать язык за зубами, если я не в состоянии говорить ничего, кроме глупостей. – Она надула губки. – Я сначала обиделась, но потом поняла, что он это не со зла, а потому что плохо себя чувствует. Я предложила ему пива. Луи снова посмотрел на меня так, словно опять хотел сказать какую-то гадость, и Сузи вся напряглась. Но он вытер лицо, извинился и пожаловался, что у него из-за жары голова раскалывается и все такое. Я предложила ему таблетку – наверно, это тоже было глупо: когда занимаешься таким бизнесом, как Луи, наверняка имеешь все необходимое, чтобы унять боль. Но он не рассердился, а просто сказал, что постарается заснуть.

– Вы видели его после того случая?

– Не видела, но слышала вчера утром. Я спала и проснулась оттого, что Луи колотил в дверь управляющего и кричал, чтобы тот установил кондиционер. Он ругался на чем свет стоит – никогда от него такого не слышала, – но управляющий не открыл дверь. Тогда Луи поднялся к себе, хотя обычно по утрам выходит на улицу.

– Он поднялся в свою квартиру после попытки попасть к управляющему?

– Да, и это довольно странно. Луи всегда был очень дисциплинированным во всем, что касалось работы. Не думаю, что он вчера вообще выходил из дому. А когда я одевалась, то услышала крики и грохот наверху. Я выглянула на секунду и увидела, что молодой красивый коп бежит по лестнице. Тогда я спряталась в стенном шкафу. Коп кричал, чтобы кто-нибудь позвонил девять-один-один. Конечно, мне надо было это сделать, но я очень испугалась, и все такое.

– Значит, вы слышали, как полицейский просил вызвать подкрепление?

– Да, – кивнула Рини. – Мне жаль, что я ему не помогла, но я думала, что это сделает кто-нибудь другой. Хотя вряд ли это что-нибудь бы изменило – все произошло очень быстро. Тот коп побежал наверх, когда все в доме попрятались по углам. Если увидите его, то передайте ему, что он настоящий герой и мне стыдно, что я ему не помогла.

– Обязательно передам, – пообещала Ева.

* * *

Ева решила явиться к майору Уитни с устным рапортом. Ей пришлось подольститься к секретарше, чтобы та выкроила для нее пятиминутное окно у своего шефа.

– Спасибо, что нашли для меня время, майор.

– Я для всех находил бы время, если бы мой день состоял из сорока восьми часов. Пожалуйста, побыстрее, лейтенант.

Говоря это, Уитни продолжал читать данные на экране компьютера. Его профиль, казалось, был вырезан из камня. Массивная фигура была под стать его столь же значительному и непререкаемому авторитету.

– Это касается инцидента с участием полицейского Трухарта, сэр. Я собрала дополнительные данные, свидетельствующие, что напавший на него человек страдал заболеванием, которое явилось причиной его смерти. Медэксперт Моррис еще проводит тесты, но он заявил, что, судя по его состоянию, он должен был умереть в течение часа.

– Моррис уже сообщил мне об этом. У вас преданные друзья, Даллас.

– Трухарт уже прошел тестирование, сэр, и результаты должны быть к утру. Я подумала, что можно было бы отложить вмешательство ОВР. Ведь не исключено, что такое вмешательство вообще не понадобится.

Уитни повернулся к ней:

– У вас есть причины полагать, лейтенант, что стандартное расследование, проводимое ОВР, бросит какую-то тень на действия, предпринятые этим полицейским?

– Нет, майор.

– Тогда пусть все идет своим чередом. Пускай парень сам постоит за себя. Это пойдет ему на пользу. Чувствовать вашу поддержку – это одно, а прятаться за вашей спиной – совсем другое.

– Я вовсе не пытаюсь... – Ева оборвала фразу, поняв, что противоречит сама себе. – Позвольте говорить откровенно, майор.

– Пожалуйста, только покороче.

– Я чувствую определенную ответственность, так как сама ходатайствовала о переводе Трухарта в Главное управление. Несколько месяцев тому назад он серьезно пострадал во время одной из моих операций. Трухарт всегда точно выполняет приказы, и мужества ему не занимать. Но он еще очень молод, и кожа недостаточно огрубела. Я не хочу, чтобы он получил больше ударов, чем заслуживает.

– Если он не в состоянии держать удары, то пусть лучше узнает это сразу.

– Согласна. Но если у нападавшего действительно было заболевание, приведшее его к смерти, можно избежать месячного отстранения Трухарта от службы. Вы ведь знаете, майор, какую психологическую травму может причинить эта процедура. Трухарт откликнулся на призыв о помощи, без колебаний подвергнув себя опасности.

– Но он не вызвал подкрепление.

– Да, сэр, не вызвал. А с вами никогда такого не случилось?

Уитни поднял брови:

– Если бы случилось, я бы заслужил хорошего пинка.

- Пинок я ему обеспечу.
- Я подумаю насчет отстранения, лейтенант, как только поступят все данные и результаты расследования.
- Благодарю вас, сэр.

* * *

Сидя в своей каморке, Хэллоуэй просматривал очередную серию данных в компьютере Когберна, ворча себе под нос. Стоит поиграть в законный перерыв в «Звездные войны», как на тебя выливают кучу дерьма! Кому нужны данные в компьютере мертвого наркодилера, сбывавшего товар юнцам? Что с ними собирается делать Фини? Жаловаться на сопляков их мамашам?

«Четыре часа! – думал он, глотая таблетки от усиливающейся головной боли. – Четыре часа возни с бесполезными данными в устаревшем компьютере, и все потому, что Даллас попросила об этом Фини!»

Хэллоуэй откинулся на спинку стула, протирая усталые глаза. Он никак не мог пробиться через блокировку передачи об этой загадочной «Чистоте». Ясно только, что сообщение послал не Когберн. Ну и что из этого?

«Абсолютная Чистота»... Может, это название детского лосьона?

Головная боль не давала ему покоя. Господи, как же здесь жарко! Должно быть, чертов кондиционер снова вышел из строя. Никто не выполняет свою работу! Никто, кроме него!

Поднявшись из-за стола, Хэллоуэй вышел из комнаты в поисках воды и свежего воздуха. По пути к автомату он бесцеремонно расталкивал других копов, слыша нелестные эпитеты в свой адрес.

Опустошая один стакан воды за другим, Хэллоуэй наблюдал за передвижениями своих коллег. Как муравьи на навозной куче! Кто-то оказал бы миру немалую услугу, раздавив несколько муравьев.

– Привет, Хэллоуэй, – поздоровался с ним Макнаб, вернувшийся с выезда на место происшествия. – Как дела? Слышал, тебе дали интересное поручение?

– Пошел в задницу, кретин!

Макнаб сдвинул брови, но потом обратил внимание на бледное, покрытое испариной лицо Хэллоуэя.

– Слушай, ты не заболел?

Хэллоуэй осушил еще один стакан холодной воды.

– Вали отсюда, не то все увидят, что за педик ходит в любимчиках у Фини!

– Ты спятил? – Это было что-то новое. До сих пор Макнаб и Хэллоуэй неплохо ладили. – Можем пойти в спортзал и разобраться. Посмотрим, кто педик у нас в отделе.

В этот момент к автомату с водой подошел Фини и сразу почувствовал напряжение в атмосфере.

– Макнаб, мне нужен был твой рапорт уже десять минут назад. Хэллоуэй, если ты провел все это время стоя у автомата, я могу найти для тебя еще какую-нибудь работу. Иди и займись делом.

– Позже разберемся, – процедил сквозь зубы Хэллоуэй и поплелся к себе, изнывая от головной боли.

4

Вместе с Пибоди Ева побывала в больнице и побеседовала с Сузанн Коэн. Женщина горько плакала, очевидно, только теперь в полной мере осознав, насколько глубокой была ее привязанность к Ралфу.

Но она не смогла сообщить ничего существенного. Ее версия инцидента на крыльце соответствовала версии Рини, как и характеристика Луи Когберна. Он был тихим человеком, если не считать пристрастия к громкой музыке, и всегда держался особняком.

– Обычно так и бывает, – заметила Ева. – Каждый раз, когда какой-нибудь тип начинает бушевать и попадает в кровавую историю, все говорят, что он был тихим и безобидным. Хоть бы раз услышать, что он был маньяком, поедавшим живых змей.

– А помните парня, который откусывал головы голубям, прежде чем сигануть с крыши своего дома?

– Да, но он не нападал на других, так что не пытайся меня приободрить. – Ева достала из кармана сигналящий телефон. – Даллас.

– Хочу сообщить свежие данные, – заговорил Моррис. – Правда, я еще провожу тесты и окончательных результатов пока нет...

– Как ты меня обрадовал!

– Терпение, Даллас. – Голос Морриса звучал торжественно, как у человека, заявляющего, что он обрел Иисуса. – То, что мы обнаружили, достойно упоминания в медицинских журналах всего мира. Мозг этого парня выглядит так, словно подвергся атаке изнутри. Но там нет ни опухолей, ни каких-либо признаков заболевания.

– Тем не менее мозг поврежден?

– Еще как! Его словно начинили микроскопическими зарядами. Помнишь, как я сравнил его с надутым до предела воздушным шаром?

– Да.

– Вообрази такой шар в замкнутом пространстве – в данном случае в черепе. Шар раздувается все сильнее, а пространство остается прежним. Ему не хватает места, давление растет, капилляры лопаются, кровь течет из ушей и носа, а потом – бах!

– Приятная картина, ничего не скажешь.

– Бедняга должен был страдать от мучительных головных болей. Я отправил ткань в лабораторию для дальнейших анализов и вызвал невролога.

– Могло подобное повреждение спровоцировать внезапные насильственные действия?

– С уверенностью сказать не могу. Но такая боль могла заставить его утратить контроль над собой. В принципе боль служит предупреждением – человек чувствует, что с ним что-то не так. Однако очень сильная боль вполне способна свести с ума, а поражение мозга, например опухоль, спровоцировать неадекватное поведение. Этот мозг, безусловно, был поражен.

– Чем?

– Похоже, каким-то неврологическим вирусом. Более точного определения придется подождать.

– О'кей, держи меня в курсе. – Ева отключила связь. – Судя по всему, полицейская проблема превращается в медицинскую. Человек, страдающий пока что недиагностированным неврологическим заболеванием, убивает одного соседа и нападает на другого. Вмешательство полиции приводит к гибели нападавшего. Интересно, как бедняге Трухарту удастся объяснить это ОВР?

– Так, может, до этого не дойдет? Ведь этот тип был практически мертв еще до того, как Трухарт применил оружие.

– Уитни считает, что с Трухартом все равно должны разобраться в ОВР. Если я вмешаюсь, он будет выглядеть слабым.

– Трухарт не слабый, – улыбнулась Пибоди. – Он просто... ну... слишком чистый.

– Тогда пускай немного испачкается – это пойдет ему на пользу. Зайдем в электронный отдел и узнаем, удалось ли им разобраться с другой «Чистотой». Мне хочется поскорее закончить эту историю.

* * *

Хэллоуэй работал в своей комнатке, обливаясь потом. Он не знал, что умирает, но помнил, что его оскорбили. Фини унизил его, заставив копаться в этом паршивом старом компьютере. А тут еще этот недоумок Макнаб смеялся ему в лицо. Почему самая интересная работа всегда достается Макнабу? Такими делами должен заниматься он, Кевин Хэллоуэй! Так оно и было бы, если бы этот ублюдок Макнаб не целовал Фини задницу при каждом удобном случае.

«Они оба не дают мне проявить себя, постоянно меня унижают, – думал Хэллоуэй, вытирая пот с лица. – Хотят меня уничтожить, но это им не удастся!»

Господи, как же ему хотелось очутиться дома в одиночестве, вдали от шума, духоты и боли!

Затуманенный взгляд Хэллоуэя устремился на внутренности компьютера, работу с которым поручил ему Фини. С куда большим удовольствием он бы занялся внутренностями Макнаба!

Этот сопляк приглашал его разобраться в спортзале! Хэллоуэй фыркнул, поднялся и положил руку на кобуру. Они разберутся здесь и сейчас. Как мужчина с женщиной.

* * *

Ева шагнула в коридор, ведущий к электронному отделу.

– Сейчас ты мне не нужна, Пибоди.

– Я ваша преданная помощница, сэр, и считаю своим долгом оставаться рядом с вами.

– Если ты рассчитываешь сопровождать меня в электронный отдел, чтобы полюбезничать там с Макнабом, то ты жестоко ошибаешься.

– Эта мысль мне даже в голову не приходила.

– Вот как? По твоей физиономии такого не скажешь.

Пибоди усмехнулась:

– Признаться, я рассчитывала только разок шлепнуть его по заднице. Она у него такая тощая, что ухватиться за нее трудно.

Рот лейтенанта дернулся в подобии нервного тика, но Пибоди приняла это за улыбку и добавила:

– К тому же я могу получить из первых рук данные о компьютере Когберна и составить рапорт немедленно.

– Неплохая взятка, Пибоди. Горжусь тобой.

– У меня хорошая учительница.

Пройдя по коридору, они свернули к сектору детективов – и тут разверзся ад.

Послышались выстрелы, крики, топот ног. Ева с оружием в руке побежала вперед. По коридору, обгоняя ее, мчались полицейские.

– Господи, его подстрелили! – крикнул один из них. – Зовите врача!

– Кого подстрелили, детектив?

– Макнаба...

Ева схватила полицейского за руку.

– Стоять! – приказала она, доставая телефон. – Пострадал полицейский. Электронный отдел... Черт возьми, опишите ситуацию!

– Я сам ничего толком не знаю! Хэллоуэй вошел в отсек Макнаба, выстрелил в него, а потом захватил капитана Фини.

– Всем оставаться на месте! – приказала Ева копам, высыпавшим в коридор. – У нас ситуация с захватом заложника и по крайней мере одним раненым. Мне нужен переговорщик. Пибоди, сейчас мы войдем туда. Достань оружие. – Ева понизила голос: – Если не можешь держать себя в руках, скажи сразу. В таком состоянии от тебя не будет никакого толку.

– Есть, сэр. – В глазах Пибоди блеснули слезы. – Я справлюсь. Пошли.

– Не стреляйте! – крикнула Ева.

Она медленно вошла в сектор детективов. Несколько полицейских столпились в отсеке Макнаба, другие стояли у двери кабинета Фини.

– Я лейтенант Даллас! – крикнула Ева. – Сейчас я здесь командую, пока майор Уитни не возьмет ситуацию под контроль. Отойдите от двери!

– Он захватил капитана!

– Отойдите оттуда немедленно! Что с Макнабом?

Впрочем, теперь Ева видела, что он лежит на полу без сознания, с белым как мел лицом. Пибоди опустилась рядом с ним на колени, проверяя пульс.

– Он жив, – произнесла она дрожащим голосом. – Но пульс очень слабый.

– Он не получил полный заряд. Я детектив Гейтс. – Женщина с волосами, покрашенными полосками, как шкура зебры, шагнула вперед. – Я видела, как Хэллоуэй подошел к отсеку Макнаба и достал парализатор. Тогда я крикнула, Макнаб обернулся, и Хэллоуэй выстрелил.

– Врача уже вызвали. Мне нужно видеть, что творится в кабинете Фини. Включите мониторы, а я постараюсь с ним связаться. Пибоди, выясни, сколько здесь раненых и в каком они состоянии.

Подойдя к центру связи, Ева позвонила в кабинет Фини. С каждым сигналом ее сердце колотилось все быстрее.

– Теперь капитан я! – Лицо Хэллоуэя, почти такое же белое, как у Макнаба, заполнило экран. На белках его глаз виднелись красные прожилки, из носу сочилась кровь. – Я здесь командую!

Он шагнул назад, и Ева увидела, что его оружие упирается в шею Фини. «Один выстрел означает немедленную смерть», – с ужасом подумала она.

– Это лейтенант Даллас.

– Я знаю, кто вы, черт возьми! Теперь я выше вас по званию. Что вам нужно?

– Я хочу узнать, что нужно вам, Хэллоуэй.

– Капитан Хэллоуэй!

– Хорошо, капитан. – Ева встретилась взглядом с Фини. За долю секунды они успели передать друг другу глазами очень многое. – Если вы объясните мне, сэр, в чем проблема, мы сможем решить ее, не прибегая к дальнейшему насилию. Вы ведь не хотите причинить вред капитану Фини. Если он пострадает, я не сумею вам помочь.

– Она права, сынок. – Голос Фини был абсолютно спокоен. – В чем проблема?

– Проблема в вас, и я не ваш сынок! Так что заткнитесь! – Он уперся парализатором в голову Фини и отключил связь.

Будь ее воля, Ева немедленно ворвалась бы в кабинет, но инстинкт и опыт диктовали ей другое.

– Мне срочно нужны все данные о Хэллоуэе! Если он женат, приведите сюда его жену или свяжитесь с ней. Найдите его мать, брата, священника – кого-нибудь, к кому он прислушается. Все лишние пусть уйдут. Кто здесь лучше всех знает Хэллоуэя?

На нее молча смотрели испуганные и мрачные лица.

– Мы все думали, что знаем его, – заговорила наконец Гейтс. – Все это какое-то безумие, лейтенант.

– Поговорите с ним, – Ева кивнула в сторону центра связи. – Только спокойно и дружелюбно. Спросите, что он хочет, что мы можем для него сделать. Не критикуйте его – просто займите разговором.

Она отошла и достала свой видеотелефон.

– Майор!

– Я уже иду. – Лицо Уитни было мрачным, голос бесстрастным. – Переговорщика уже вызвали. Что еще вам нужно?

– Снайперы. Мониторы включили, так что я вижу помещение. Фини обычно держит шторы поднятыми, но сейчас их опустили. Врываться в кабинет и начинать стрельбу слишком рискованно. Хэллоуэй прикончит Фини, прежде чем мы до него доберемся.

– Я подойду через две минуты. Отвлекайте его разговорами. Узнайте, что ему нужно.

– Да, сэр.

Ева вернулась к центру связи. Гейтс быстро набрала на мини-компьютере текст:

«Он меня не слушает. Говорит бессвязно. Не отвечает на вопросы. Выглядит больным».

Ева кивнула и подключилась к аппарату.

– С вами все в порядке, капитан Хэллоуэй? Вам что-нибудь нужно?

– Мне нужно уважение! Не хочу, чтобы меня игнорировали!

– Я вас не игнорирую, а внимательно слушаю. Но мне трудно сосредоточиться. Если бы вы опустили оружие, мы могли бы все обсудить.

– Чтобы вы ворвались сюда? – Он хрипло захохотал. – Не выйдет!

– Никто к вам не ворвется. Мы в состоянии все решить, не прибегая к насилию. Фини, ты обещаешь сидеть смирно?

Фини сразу понял, что от него требуется.

– Конечно, – отозвался он. – Я не сдвинусь с места, пока мы не договоримся.

– Здесь очень жарко. – Свободной рукой Хэллоуэй вытер сочащуюся из носа кровь.

Увидев это, Ева похолодела.

– Я отрегулирую кондиционер. – Она подала знак Гейтс. – Сейчас вам станет прохладнее. Больше вас ничего не беспокоит?

– Как бы не так! Этот сукин сын заставлял меня работать, пока у меня глаза не начали кровоточить! – Хэллоуэй яростно дернул себя за волосы. – У меня раскалывается голова! Меня тошнит!

– Можно, я вызову вам врача? Вы плохо выглядите. Вам необходима медицинская помощь.

– Оставьте меня в покое! – Из глаза Хэллоуэя потекла розовая слеза. – Мне нужно подумать!

Он снова отключил связь.

– Лейтенант, доложите ситуацию, – послышался сзади голос Уитни.

– Хэллоуэй болен. Те же симптомы, что и у Когберна. Я не могу этого объяснить, майор, но он умирает и может прихватить с собой Фини.

Вместе с Уитни Ева склонилась над экраном монитора. Они видели весь кабинет Фини. Шторы были опущены, так что снайперы снаружи не смогли бы ничего разглядеть. Фини сидел на своем стуле, его запястья были прикованы наручниками к подлокотникам. Хэллоуэй стоял позади него; его лицо искажала свирепая гримаса, кровавые пятна походили на боевую раскраску. Одной рукой он дергал себя за волосы, другой, сжимающей оружие, яростно жестикулировал.

– Теперь я здесь командую! – Хэллоуэй злобно пнул ногой стул Фини. – Мне осточертели твои приказы, старый дурак!

– Я понятия об этом не имел, – спокойно отозвался Фини. – Каким образом я могу исправить положение?

– Хотите исправить положение? – Хэллоуэй вновь прижал оружие к шее Фини под подбородком, и Ева с трудом удержалась, чтобы не броситься к двери кабинета. – Может, подать вам рапорт?

– Сэр, переговорщик прибыл.

– Введите его в курс дела, Даллас, – распорядился Уитни. – Потом рассмотрим возможности.

Ева объяснила переговорщику ситуацию и подключила его к связи. Обернувшись, она увидела перед собой Рорка.

– А ты что здесь делаешь?

– Услышал сводку новостей, – кратко объяснил Рорк. Он не стал упоминать об ужасе, который испытал, узнав, что в Главном полицейском управлении есть раненые и взят заложник. Окинув взглядом помещение, он быстро оценил ситуацию.

Главное – его жена была невредима.

– Что с Фини?

– Он заложник. У меня нет для тебя времени.

Рорк положил Еве руку на плечо, прежде чем она успела отойти.

– Чем я могу помочь?

Ева не стала тратить драгоценные секунды, спрашивая, как Рорк сумел пройти через оцепление и какую помощь он рассчитывает оказать, когда сектор полон копов, чьим ремеслом было находить выход из кризиса.

– Макнаба подстрелили.

– Господи! – Повернувшись, Рорк увидел Пибоди на полу рядом с медиками.

– Я не знаю, в каком он состоянии. Постарайся это выяснить.

– Будет сделано. – В голосе Рорка слышалась холодная ярость, более смертоносная, чем любая бурная вспышка гнева. – Лейтенант, если этому типу нужны деньги, то неограниченная сумма к услугам департамента полиции.

– Спасибо, но дело не в деньгах. Лучше помоги Пибоди. Мне нужно вытащить оттуда Фини живым. Хотя... постой! – Ева пригладила волосы. – Найди отсек Хэллоуэя. У него на столе старый компьютер. Ничего там не трогай – просто отключи его.

* * *

В кабинете Фини Хэллоуэй истерически кричал в микрофон. Ржавые ножи кромсали его мозг.

– Хотите поговорить со мной? Тогда уменьшите температуру в этом пекле! Если будете пытаться меня выкурить, я прикончу этого старого идиота! А с тобой мне вообще говорить не о чем, тупица! Позовите Даллас! Позовите эту чертову лживую сучку! У вас десять секунд!

По знаку переговорщика Ева подбежала к центру связи.

– Я здесь, Хэллоуэй.

– Разве я не приказывал тебе отрегулировать кондиционер?

– Да, сэр. Я выполнила приказ.

– Не ври мне! Хочешь, чтобы я поработал над его клешнями? – Хэллоуэй прижал оружие к кисти Фини. – Один разряд – и он уже никогда не сможет шевелить этой рукой.

– Я постараюсь еще больше снизить температуру. Но посмотрите на Фини: он не потеет. В кабинете совсем не жарко.

– Вранье! Я изжариваюсь живо!

– Потому что вы больны. У вас какая-то вирусная инфекция. Голова болит, верно? И нос у вас кровоточит. Вам нужен врач. Позвольте вам помочь, и мы все уладим.

– Тогда почему бы тебе не войти сюда, сучка? – Хэллоуэй злобно скривил губы. – Войди и увидишь, как быстро мы все уладим!

– Я могу принести вам лекарство.

– Пошла ты!

– Если я войду, Хэллоуэй, не стреляйте. У вас будет два заложника, и вы сможете контролировать ситуацию. Вы ведь знаете, что Фини – мой друг и я ни за что не подвергну его опасности. Я могу принести вам лекарство от головной боли и все, что вы хотите.

– Пошла ты! – повторил Хэллоуэй и отключил связь.

– В данной ситуации незачем предлагать еще одного заложника. – Переговорщик втиснулся между Евой и аппаратом связи. – Ваше самопожертвование ни к чему не приведет.

– В обычных обстоятельствах я бы с вами согласилась, но человек, который там засел, не попадет на вашу удочку. Во-первых, он коп и знает все ваши фокусы. Во-вторых, он страдает каким-то неврологическим заболеванием, которое влияет на его поведение.

– За переговоры отвечаю я!

– Здесь не конкурс на вакантное место, и я не собираюсь с вами соперничать. Я хочу, чтобы они оба вышли из кабинета одновременно. Простите, майор, но у меня нет времени на объяснения. Физическое и психическое состояние Хэллоуэя ухудшается с каждой минутой. Не знаю, сколько он еще продержится. Но, умирая, он постарается прихватить с собой Фини.

Уитни нахмурился:

– Снайперы заняли позицию. Они могут достать его, используя изображение на мониторе.

– Его убьет один выстрел из парализатора. Именно это произошло с Когберном. Хэллоуэй все-таки коп, майор. И сейчас он не отвечает за свои поступки. Дайте мне шанс взять его живым.

– Если вы войдете, погибнут три копа, – предупредил переговорщик.

– Или выживут. Я попробую его успокоить. Хэллоуэй испытывает страшную боль, и, если ему принести лекарства, он согласится их принять. Фини был моим инструктором, майор. Он воспитал меня. Я должна войти туда.

Уитни посмотрел ей в глаза:

– Хорошо, попытайтесь. Только побыстрее.

Еве пришлось упрашивать майора несколько драгоценных минут, зато это помогло ей войти в образ, необходимый для переговоров. Ведь Хэллоуэю нужно было, чтобы перед ним унижались.

– Он может выстрелить в тебя, как только ты войдешь, – тихо сказал Рорк, куда медики готовили для Евы лекарства и пневматические шприцы.

– Может.

– А ты идешь без бронежилета и без оружия.

– Я знаю, что делаю.

– Ты знаешь, что *должна* делать. Это не одно и то же, Ева. – Рорку стоило колоссальных усилий не схватить ее за руку и не вытащить из комнаты. – Я понимаю, что значит для тебя Фини. Но помни, что ты значишь для меня.

– Едва ли я могу это забыть.

– Макнаб в тяжелом состоянии. Он получил сильный заряд с близкого расстояния, но на какой-то момент пришел в себя, прежде чем медики его унесли. Это хороший признак.

– О'кей. – Сейчас Ева не могла думать о Макнабе.

– Пострадали еще трое, прежде чем Хэллоуэй схватил Фини. Хотел бы я знать – из чистого любопытства, – каким образом один человек смог уложить четырех копов, оставшись невредимым.

– Господи, Рорк, это же электронный отдел! Половина здешних сотрудников чаще держат в руке компьютерную «мышь», чем оружие.

К ним подошел врач с пакетом лекарств.

– Выбирайте, что хотите, лейтенант. В шприце с красной точкой на поршне транквилизатор. Усыпляет человека за пять секунд. Таблетки с желтой полосой действуют так же. Остальное – просто болеутоляющие.

– Хорошо, спасибо. Вернусь через несколько минут, – сказала Ева Рорку.

– Надеюсь.

Нисколько не заботясь о драгоценной репутации жены, он привлек ее к себе и поцеловал. Ева бросила на него испепеляющий взгляд, но тем не менее поцелуй немного успокоил ее. Подойдя к центру связи, она продемонстрировала пакет.

– Вот ваши лекарства, сэр. Болеутоляющие в шприцах и таблетках. Врач говорит, что укол уничтожит инфекцию и быстро снимет головную боль. – Ева подняла руки и повернулась кругом: – У меня нет оружия. Я знаю, что ситуация у вас под контролем, и просто хочу вам помочь.

Хэллоуэй вытер кровь, снова хлынувшую из носа. Он раскачивался на каблуках взад-вперед, словно пытаясь унять боль. Светлые волосы торчали в разные стороны, воротник ярко-зеленого спортивного костюма пропитался потом и кровью.

– Ладно, Даллас, входи. – Скривив рот в жуткой усмешке, он снова ткнул парализатором под подбородок Фини. – Но запомни: если кто-нибудь попытается передать тебе оружие, старику конец. Не опускай руки, чтобы я мог их видеть. – Он дико вращал глазами, стараясь сфокусировать зрение на экране. – О боже, моя голова!

– Я несу вам лекарства. – Ева медленно двинулась к двери кабинета Фини. По обе стороны от нее притаились два копа в бронежилетах, вооруженные лазерами и находящиеся вне поля зрения камер. – Мне нужно, чтобы вы открыли замки, сэр.

– Если кто-нибудь подбежит к двери, я выстрелю!

– Я войду одна и без оружия. У меня только лекарства. Все поняли, что вы контролируете ситуацию.

– Давно пора! – Хэллоуэй быстро раскодировал замки и, не опуская оружия, заставил Фини запрокинуть назад голову.

Ева понимала, что при малейшей ее оплошности погибнут все. Открыв дверь, она высоко подняла руки и шагнула через порог.

– Я одна, капитан Хэллоуэй, – сказала она, закрыв за собой дверь.

Бросив быстрый взгляд на Фини, Ева увидела гнев и разочарование на его лице и синяки на шее, куда Хэллоуэй время от времени тыкал парализатором.

– Положи пакет на стол. – Хэллоуэй облизнул пересохшие губы. – А теперь руки за голову и шаг назад!

– Есть, сэр.

– Почему здесь два шприца?

– Врач сказал, что для полного снятия боли может потребоваться вторая доза.

– Медленно обойди вокруг стола.

Ева слышала, как он тихо стонет, словно страдающее от боли животное. «Ему еще нет тридцати, – неожиданно подумала она. – Всего несколько часов назад Фини распекал его за игру в «Звездные войны».

Левый рукав спортивного костюма, которым Хэллоуэй вытирал нос, разбух и покраснел. Ева чувствовала запах его крови и пота, ощущала клокодавную в нем ярость.

- Сколько раз ты трахалась с этим старым ублюдком, чтобы стать лейтенантом?
- Сэр, мы с капитаном Фини никогда не состояли в интимных отношениях.
- Лживая сука! – Резко повернувшись, Хэллоуэй толкнул ее. Потеряв равновесие, Ева упала на стул. – Говори, сколько раз?
- Не помню. Потеряла счет.
- Хэллоуэй удовлетворенно кивнул:
- Так всегда бывает. Кто-то трахает кого-то, чтобы тот мог трахать кого-нибудь еще.
- Все знают, что вы достигли вашего звания и положения только благодаря собственным заслугам.
- Что верно, то верно. – Хэллоуэй достал из пакета голубые болеутоляющие таблетки. – Откуда я знаю, что это не яд? – Он быстро сунул таблетку в рот Фини и направил оружие на Еву. – Глотай, иначе я ее прикончу!
- Ева находилась близко от него, но не настолько, чтобы видеть, есть ли на таблетке тонкая желтая полоса. Она считала секунды, глядя на Фини и боясь, что игра проиграна.
- Но взгляд Фини оставался ясным и осмысленным.
- Все здесь хотят как можно скорее решить эту проблему, Хэллоуэй, – спокойно заговорил он. – Объясни, что тебе нужно.
- Заткнись! – Ударив парализатором по щеке Фини, Хэллоуэй достал еще одну пилюлю, положил в рот и начал жевать, как конфету. – Может быть, яд в этих шприцах? Дай-ка мне один. – Он прожевал вторую пилюлю. – Сейчас проверим.
- Да, сэр. – Ева потянулась к пакету. – Прошу прощения, я немного нервничаю. – Она достала шприц с болеутоляющим. – Хотите, чтобы я ввела вам лекарство, сэр, или сделаете это сами?
- Сначала введи его себе! Если выживешь, то, может быть, умрешь своей смертью.
- Не сводя с него глаз, Ева поднесла шприц к предплечью и нажала на поршень.
- Я следую вашим указаниям, сэр. Мне жаль, что вы так страдаете. Боль не позволяет ясно мыслить. Когда лекарство подействует, мы сможем обо всем договориться.
- Если хочешь стать капитаном, тебе придется трахаться со мной. Сейчас командую я. Встань и дай мне чертов шприц. От этих пилюль никакого толку.
- Ева шагнула вперед. Теперь кровь шла из ушей Хэллоуэя. Она подняла шприц с красной точкой и положила палец на поршень.
- Это подействует быстрее.
- Внезапно Хэллоуэй отскочил от нее.
- Яд! – взвизгнул он. – Моя голова раскалывается! Я убью тебя! Я убью вас всех!
- Ева услышала шорох у двери и представила себе снайперов, целящихся в свою жертву. «Он тоже коп», – мелькнуло у нее в голове. Раздумывать было некогда. Прыгнув вперед, она выбила парализатор из руки Хэллоуэя, прижала шприц к его плечу и надавила на поршень.
- Хэллоуэй обеими руками вцепился себе в волосы и заметался по комнате. В этот момент дверь распахнулась, и Ева быстро встала между Хэллоуэем и нацеленными на него лазерами.
- Не стрелять! – крикнула она.
- Внезапно Хэллоуэй с криком ударился о стену, судорожно дернувшись, как будто его поразил луч лазера. Кровь фонтаном хлынула у него из носа, и он упал лицом вниз.
- Быстро медиков сюда! – приказала Ева, опускаясь на колени рядом с Хэллоуэем.
- Она видела смерть слишком часто, чтобы ошибиться, но на всякий случай проверила пульс.
- Черт! – Ударив себя кулаком по колену, Ева обернулась и встретила понимающий взгляд Фини. – Мы потеряли его.

5

– Давно тебе так не доставалось, – заметила Ева, глядя на длинную царапину, пересекающую щеку Фини. Его уже накачали лекарствами, но выглядел он не лучшим образом.

– Мы с тобой оба оплошали, Даллас. Я был о тебе лучшего мнения. Добавить еще одного заложника...

– Разве я похожа на заложника? Что-то не помню, чтобы меня приковывали к моему стулу моими же наручниками.

Фини вздохнул:

– Мне просто не повезло. Такое бывает с каждым.

– Кое-кто однажды говорил мне, что невезение – награда за добросовестную полицейскую службу. – Улыбнувшись, Ева коснулась его руки.

– Надеюсь, твой муж понимает, что вся эта болтовня о наших с тобой... отношениях – полная чушь?

– Наверняка он сейчас кипит от ревности и лелеет планы мщения, но я постараюсь его успокоить.

Фини усмехнулся, но сразу же помрачнел.

– Этот парень застиг нас врасплох. Я ничего не подозревал...

– Ты и не мог ничего заподозрить, – перебила его Ева. – Хэллоуэй был болен, Фини. Какой-то вирус – Моррис сейчас этим занимается. То же самое произошло с человеком, которого пытался задержать Трухарт. Что-то было в том компьютере.

Фини устало покачал головой:

– Все это чистой воды фантастика, Даллас. От компьютера могут заболеть только глаза.

– Ты поручил Хэллоуэю разобраться с компьютером Когберна, и к концу дня у него появились те же симптомы, что и у Когберна. Так что если это и фантастика, то вполне научная. Что-то есть в этом аппарате, и его нужно отправить в карантин, пока мы не получим ответ.

– Хэллоуэй был славным парнем и хорошим копом, хотя и с ленцой. Сегодня утром я его отругал, но он это заслужил. А потом я видел, как он сцепился с Макнабом, и... – Фини потер виски. – Господи!

– С Макнабом все будет в порядке. Он крепче, чем кажется, верно? – Ева постаралась улыбнуться, хотя внутри у нее все сжалось от страха и тревоги.

– Четверо моих ребят пострадали, а один из них мертв! Я должен узнать причину!

– Мы все должны ее узнать – и узнаем. Поезжай домой, Фини. Тебе нужно отдохнуть.

Ева заглянула в закуток Хэллоуэя, где на столе все еще стоял старый сломанный компьютер. «Абсолютная Чистота...» – подумала она.

Когда Ева вернулась в кабинет Фини, тело Хэллоуэя уже упаковали. На стене виднелись брызги крови, похожие на какой-то абстрактный рисунок.

– Что вы об этом думаете? – обратилась она к врачу, который собирал для нее пакет с лекарствами.

Он оглянулся на труп в мешке.

– Какое-то кровоизлияние. Будь я проклят, если знаю, в чем дело. Никогда не видел, чтобы такое происходило без серьезной травмы головы. Тут нужен медэксперт. Может быть, опухоль мозга, эмболия, обширный инсульт... Хотя он так молод – наверно, ему еще не было тридцати.

– Двадцать восемь.

Ева знала, что у Хэллоуэя была невеста, которая сейчас спешно возвращалась из деловой поездки в Вашингтон, родители и брат, которых уже вызвали из Балтимора. Она не сомнева-

лась, что детектив Кевин Хэллоуэй будет похоронен со всеми почестями, подобающими полицейскому, который умер, исполняя свой долг.

«Именно это и произошло, – думала Ева, глядя, как уносят мешок с телом. – Молодой сотрудник электронного отдела погиб, потому что выполнял свою работу».

– Лейтенант!

Ева повернулась к Уитни:

– Сэр?

– Мне нужен ваш рапорт как можно скорее.

– Вы его получите.

Майор посмотрел на испачканную кровью стену.

– Вы уже составили мнение о том, что здесь случилось?

– В какой-то степени. Хотя у меня больше вопросов, чем ответов. Нужно, чтобы Моррис немедленно обследовал Хэллоуэя. Я уверена, что он обнаружит те же неврологические повреждения мозга, что и у Когберна. Ответы содержатся в компьютере Когберна, но его нельзя обследовать, пока не будут приняты меры по обеспечению безопасности. Я точно знаю одно: детектив Хэллоуэй не был виноват в происшедшем.

– Мне нужно уведомить шефа полиции и мэра, а потом придется информировать СМИ. Это я поручу вам. В данный момент официальная версия состоит в том, что детектив Хэллоуэй страдал каким-то еще не установленным заболеванием, которое вызвало отклонения в поведении и привело к его гибели.

– Насколько мне известно, это истинная правда.

– Меня не беспокоит правда, когда речь идет об официальной версии, но сам я должен ее знать. Запомните, Даллас, это дело для вас – приоритетное. Все прочие расследования можете отложить, пока не разберетесь с ним. – Уитни двинулся к двери, но на пороге обернулся: – Детектив Макнаб пришел в сознание. Его состояние по-прежнему тяжелое, но уже не критическое.

– Благодарю вас, сэр.

* * *

В коридоре у выхода из электронного отдела Рорк, прислонясь к стене, возился со своим мини-компьютером. Увидев жену, он шагнул к ней и взял ее за руку.

– Ты не могла сделать больше, чем сделала.

– Да. – Она сама это понимала. – Но тем не менее Хэллоуэй мертв. И это я направила смертельное оружие ему в голову, хотя до сих пор не знаю, что это за оружие. Слава богу, Макнаб пришел в себя и уже не в критическом состоянии. Пожалуй, мне следует повидать его перед уходом домой.

– Хочешь его расспросить?

– Сначала подарю ему какие-нибудь дурацкие цветы.

Рорк засмеялся и хотел поднести руку Евы к губам, но она вырвала ее с сердитым шипением.

– Дорогая, не следует так бояться выражения чувств на публике.

– Публика – это одно, а копы – совсем другое.

– Мне ли не знать, – пробормотал Рорк.

В гараж они спустились вместе.

– Я поеду с тобой, – сказал Рорк. – Кто-то из нас должен позаботиться о Пибоди.

– Предоставлю это тебе. С этим ты справишься лучше меня. – Ева села на пассажирское сиденье. – И с управлением машиной, пожалуй, тоже. Я сейчас что-то не в форме.

Рорк коснулся ее волос.

– Пибоди хорошо держалась.

– Да.

– Это нелегко, когда человек, которого ты любишь, в опасности.

Ева покосилась на него.

– Люди, которые хотят легкой жизни, должны подбирать себе пару среди офисных трутней, а не среди копов.

– Истинная правда. Но я думал о том, что тебе было трудно стоять и смотреть почти целый час, как Фини угрожают смертью.

– Фини в состоянии о себе позаботиться. Он понимает, как... – Почувствовав спазм в горле, Ева на мгновение зажмурилась и потрясла головой. – Ты прав – у меня душа ушла в пятки. Хэллоуэй знал, куда направлять оружие. Если бы Фини дернулся, ему бы сразу пришел конец.

– Знаю, малышка.

– Фини тоже это знал. Мы смотрели друг на друга и понимали, что все может кончиться в одну секунду. Никто не успел бы ничего сказать или сделать. – Ева откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. – Это ведь я подсунула ему этот чертов компьютер... Да, я знаю, что не виновата в случившемся. Но Хэллоуэй тыкал ему парализатор прямо под подбородок – у него даже синяки остались! Сколько раз за это время он подумал, что больше не увидит жену, детей, внуков?..

– Когда берешься за какую-нибудь работу, принимаешь на себя связанный с нею риск. Кое-кто постоянно мне об этом напоминает.

Ева открыла глаза и посмотрела на него.

– Должно быть, ты испытываешь сильное искушение кого-то хорошенько вздуть.

– Еще какое! – Рорк провел пальцами по ее щеке. – Но я боюсь получить сдачи.

Ева улыбнулась.

– Мне не по себе, если я хоть раз в две недели не получаю по физиономии. Так что можешь не стесняться.

Стоило им войти в вестибюль больницы, к ним тут же кинулись репортеры в расчете на информацию.

– Никаких комментариев! – рявкнула Ева.

– Вы вели переговоры по поводу освобождения капитана Райана Фини. Почему отдел убийств принимал в этом участие?

– Без комментариев.

– Наш источник в полиции заявил, что детектив Кевин Хэллоуэй стрелял в своих коллег, взял в заложники капитана Фини и впоследствии был убит.

Ева резко обернулась:

– У вас что, нелады со слухом? Или вы не понимаете, что значит «без комментариев»?

– Вы ликвидировали детектива Хэллоуэя, пытаетесь освободить капитана Фини?

Ева сверкнула глазами.

– Майор Уитни вместе с шефом полиции и мэром Нью-Йорка в течение часа проинформируют СМИ о сегодняшнем происшествии. Если вы проголодались, можете погрызть эту кость. Я здесь, чтобы навестить пострадавшего коллегу.

– Почему он это сделал? – крикнул кто-то, когда Ева уже пробилась к лифтам. – Что за копы у вас работают?

– Копы, которые обязались защищать даже таких стервятников, как вы! – Шагнув в кабину, Ева так сильно ткнула кулаком в стену, что пожилая женщина с огромным букетом испуганно забилась в угол. – Я не позволю этим шакалам залезать мне под кожу!

– Похоже, лейтенант, ваша кожа из закаленной ткани.

– Черт возьми, я не узнала, на каком он этаже...

– Зато я узнал. На двенадцатом. – Рорк ослепительно улыбнулся их пожилой спутнице. – Вам на какой этаж?

– Я могу выйти где угодно... – Женщина заметила оружие, торчащее из-под пиджака Евы.

– Все в порядке, – успокоил ее Рорк. – Она из полиции. У вас прекрасный букет.

– Да. Моя внучка только что родила мальчика.

– Поздравляю! На каком этаже родильное отделение? Ах да, на шестом. – Когда лифт остановился, Рорк повернулся к женщине, загородив от нее Еву. – Надеюсь, с матерью и малышом все в порядке?

– Да, благодарю вас. Это мой первый правнук. Его назвали Люк Эндрю. – Косясь на Еву и прикрываясь букетом, как щитом, женщина выскользнула из лифта.

– Неужели я выгляжу так, словно для разминки топчу ногами старых леди? – осведомилась Ева.

Рорк склонил голову набок.

– Ну, вообще-то...

– Лучше придержи свой шелковый язычок!

– Прошлой ночью ты говорила совсем другое.

Ева рассмеялась и, когда открылись двери лифта, быстро зашагала к палате. Но улыбка тут же сошла с ее лица, стоило ей увидеть Пибоди, сидящую возле койки, на которой лежал Макнаб.

Его глаза были закрыты, а лицо казалось мертвенно-белым даже на белоснежной наволочке. Без сережек и прочих неизменных своих побрякушек он выглядел слабым и беспомощным. «Какой он худой», – подумала Ева. Броская и яркая одежда Макнаба скрадывала худобу, а убогое больничное облачение ее подчеркивало. Светлые волосы казались чужеродным элементом.

Ева ненавидела больницы, где людей раздевали догола и оставляли одних на узких койках с приборами, отсчитывающими каждый их вздох.

– Никак нельзя забрать его отсюда? – услышала она собственный голос.

– Я это устрою, – шепнул Рорк ей на ухо.

Конечно, устроит! Он, как всегда, думает о деле, пока она стоит в дверях, полностью утратив присутствие духа. Сердясь на себя, Ева шагнула в палату.

– Пибоди!

Ее помощница обернулась, и Ева увидела, что она плачет.

– Он опять отключился. Доктор говорит, что с ним будет все в порядке, но заряд был очень сильный... Спасибо, что позволили мне поехать с ним.

– Я слышала, что он пришел в себя еще там, в электронном отделе, а это хороший признак.

Пибоди сделала глубокий вдох.

– Макнаб то приходит в сознание, то снова отключается. Он плохо помнит, что произошло, но говорит связно. Мозг вроде бы не поврежден, но нагрузка на сердце была очень сильной, и медики говорят, что пульс все еще неровный. К тому же у него отнялась правая сторона. Они думают, что это временно, но пока он не может пошевелить ни правой рукой, ни правой ногой.

– Придется прыгать на одной ноге, – послышался тихий голос.

Все сразу же посмотрели на Макнаба. Его глаза оставались закрытыми, но рот кривился в улыбке, от которой у Евы сжалось сердце.

– Вы нас слышите, Макнаб?

– Конечно, лейтенант. – Он попытался глотнуть. – Я могу выпить воды или еще чего-нибудь? Лучше пива.

– Обойдетесь водой. – Ева взяла с тумбочки чашку и поднесла соломинку к губам Макнаба. Сделав два маленьких глотка, он повернул голову.

– Что-то я не чувствую запаха цветов. Когда человек попадает в больницу, ему полагается приносить цветы.

– Меня отвлекли по пути в магазин подарков. – Ева улыбнулась. – Пришлось отогнать нескольких назойливых репортеров.

Макнаб открыл зеленые глаза. Они были мутными – Ева не знала, от наркотиков или от боли, но одно было не лучше другого.

– Вам удалось вытащить капитана? Я не могу вспомнить...

– Он навестит вас, как только закончит бумажную работу. С ним все в порядке.

– А с Хэллоуэем?

– Он не выжил.

– Господи! – Макнаб снова закрыл глаза. – Что произошло?

– Я жду, что вы мне расскажете.

– Я... я не в состоянии точно вспомнить...

– Когда придете в себя, мы поговорим об этом.

– Раз вы меня не торопите, значит, мои дела плохи. Пибоди, если я очочурюсь, ты получишь мою коллекцию видео.

– Это не смешно.

– О'кей, можешь взять и серьги. Правда, моя кузина Шейла придет в ярость... Кто-нибудь поможет мне сесть?

– Доктор сказал, что тебе надо лежать, – проворчала Пибоди, а сама уже приподнимала изголовье кровати.

– Если я очочурюсь...

– Заткнись!

Он усмехнулся при виде сердитого лица Пибоди.

– Как насчет того, чтобы поцеловать меня?

– Ладно уж, так и быть.

Пибоди осторожно коснулась губами его губ. Обернувшись, она увидела, что Ева смотрит в потолок.

– Прошу прощения. Просто доставила удовольствие больному.

– Нет проблем. – Ева оглянулась, услышав, как вошел Рорк.

– Между прочим, на этом этаже необычайно привлекательный женский медперсонал, Йен, – заметил он, подойдя к изголовью кровати. – Хотя вряд ли ты обратил на это внимание.

– Мое зрение не пострадало.

– Тогда ты, наверное, не захочешь сменить место. Соммерсет хотя и достаточно компетентен, но далеко не так привлекателен.

– Очень жаль. А в чем дело?

– Лейтенанту кажется, что тебе лучше выздоравливать не здесь. В нашем доме комнат сколько угодно, но такие хорошенькие медсестры вряд ли найдутся.

– Вы хотите забрать меня к себе? – Щеки Макнаба слегка порозовели.

– Твой доктор сказал, что сначала должен на тебя взглянуть, но, думаю, мы сможем перевести тебя через час или два. Конечно, если ты не возражаешь.

– Не знаю, как вас поблагодарить, лейтенант...

– Посмотрим, что останется от вашей благодарности, когда Соммерсет начнет вас доставать, – усмехнулась Ева. – Ладно, у меня полно работы.

Она повернулась к двери, но остановилась, услышав голос Макнаба:

– Он выглядел совсем больным.

– Хэллоуэй?

– Да. Я вернулся в отдел, когда он стоял у автомата с водой. Он вел себя очень агрессивно – это было совсем на него не похоже. Конечно, Хэллоуэй иногда бывал занудой, но мы с ним неплохо ладили. Мы прослужили в одном отделе два года. – Макнаб опять закрыл глаза. – Не могу этого понять! Он накинулся на меня, как будто жаждал крови. Дело не в словах – мы ведь все постоянно друг друга подзуживаем...

Ева снова подошла к кровати.

– Но это было не обычное подзуживание?

– Нет. Он смотрел на меня зверем. Я разозлился и предложил ему спуститься в спортзал и выяснить отношения, но тут подошел капитан и развел нас по разным сторонам. Хэллоуэй выглядел скверно – весь потный, глаза красные. Конечно, от компьютера глаза могут покраснеть, но не до такой же степени. Он направился в свою каморку, а я пошел в свою и забыл обо всем.

– Больше вы с ним не говорили? Не видели, как он разговаривал или ссорился с кем-то еще?

– Нет. Я выпил кофе, потрепался немного с Гейтс, а потом занялся рутинной работой. Какая-то женщина жаловалась, что в ее компьютер проникли инопланетяне, – нам все время приходится иметь дело с таким вздором. Потом я услышал крик и обернулся...

Макнаб замолчал, и Ева услышала быстрое попискивание монитора. «Пuls частит, – подумала она. – Лучше дать ему отдохнуть».

– О'кей, об остальном поговорим завтра.

– Нет. Я вспомнил, как все произошло. Я увидел, что Хэллоуэй идет ко мне с парализатором в руке. Он выглядел совсем обезумевшим. Я вскочил. При мне не было оружия – у нас в отделе никто не носит его во время работы. Я попытался спрятаться, но не успел. А затем... Как будто парочка слонов врезалась мне в грудь, и я отключился. Скольких наших он еще подстрелил?

– Три человека получили заряд, но им оказали помощь на месте. Вам досталось больше всех.

– Мне, как всегда, везет. И все-таки я ничего не понимаю... С Хэллоуэем раньше было все в порядке. Конечно, мы иногда цапались, но с кем не бывает такого? Он любил свою работу и собирался жениться. Правда, Хэллоуэй жаловался на Фини – считал, что у капитана устаревшие методы, – но все время от времени ворчат на начальство. Не понимаю, почему он на меня напал. Тут что-то не так.

– Безусловно, – согласилась Ева.

– Мне нужно поскорее встать на ноги, чтобы участвовать в расследовании!

«Да, – подумала Ева, – на его месте она бы чувствовала то же самое».

– Инструктаж состоится завтра в девять утра в моем домашнем кабинете. Постарайтесь быть в форме, потому что у меня нет времени с вами нянчиться.

– Да, сэр. Спасибо.

– Мы накормим вас на завтрак овсянкой и другой полезной для больных пищей. А теперь нам пора, скоро увидимся.

– Овсянка была недурным штрихом, – заметил Рорк, когда они шли по коридору.

– Я так и подумала.

– Бедняга прямо расцвел от счастья.

– Лейтенант! Даллас!

Обернувшись, Ева увидела мчащуюся к ней Пибоди. Она едва успела шагнуть назад, прежде чем помощница стиснула ее в объятиях.

– Спасибо! Спасибо вам за все!

– Не за что. – Ева смущенно погладила Пибоди по спине.

– В машине у него остановилось сердце. Пришлось делать электрошок. Это продолжалось всего несколько секунд, но я подумала: «Как я буду жить без этого придурка?» – Она залилась слезами. – Господи! Рорк!

– Прошу заметить, ко мне обращаются, как к последней инстанции, – позже, чем к Господу Богу, – усмехнулся Рорк. – Это весьма лестно... Ну-ну, дорогая, успокойся.

Он осторожно усадил Пибоди на стул и вытер ей слезы платком. Ева присела рядом.

– Если Макнаб узнает, что ты плачешь из-за него, он возомнит о себе невесть что, – предупредила она помощницу.

– Знаю. Простите. Просто я разволновалась, когда он рассказывал, как это произошло. У меня чуть мозги не лопнули.

– Похоже, это превращается в эпидемию.

Пибоди нервно усмехнулась и взяла Еву за руку.

– Вы оба такие молодцы! Я очень рада, что Макнаб побудет у вас несколько дней, пока не придет в себя.

Ева вздохнула. Иногда дружба приводит к весьма ощутимым неудобствам.

– Он наверняка будет капризничать, а я не собираюсь превращаться в сиделку. Придется тебе взять на себя эту обязанность.

Губы Пибоди задрожали, а глаза опять наполнились слезами.

– Только не начинай снова реветь! Это приказ!

– Да, сэр. – Пибоди облегченно вздохнула. – Не беспокойтесь, Даллас, я постараюсь держать его подальше от вас.

– Посмотрим, как тебе это удастся.

Когда Пибоди вернулась в палату, Ева несколько секунд сидела молча.

– Только не делай остроумных замечаний о моем мягкосердии, – предупредила она Рорка. – Иначе ты будешь рад, что мы оказались в больнице, когда придешь в сознание.

– Мне это и в голову не приходило, лейтенант, – заверил ее Рорк.

Ева недоверчиво покосилась на него и встала.

– Ладно, пошли.

Она позволила Рорку сесть за руль, потому что хотела подумать. Электроника отнюдь не являлась ее коньком. Между ней и компьютерами велась постоянная война, и большинство битв было ею проиграно. Зато Фини стал капитаном электронного отдела не только потому, что был хорошим копом, но и благодаря давнему роману с компьютерными технологиями. На Макнаба тоже можно рассчитывать – конечно, если он будет в сносном физическом состоянии. Впрочем, после сегодняшнего дня Ева могла надеяться на помощь всего электронного отдела вплоть до роботов.

Но у нее имелось еще одно «орудие», которое сейчас сидело рядом с ней, заставляя старый полицейский драндулет мурлыкать, как котенка. Она была женой Рорка, но электроника смело могла претендовать на звание его любовницы.

– Нам нужно проникнуть в компьютер Когберна, – начала Ева. – Мы должны разобрать его на кусочки и обследовать под микроскопом каждый чип, каждую схему, каждую деталь. Причем это нужно сделать очень осторожно, чтобы каждый, кто работает с этим аппаратом, не превратился в маньяка-убийцу. Есть какие-нибудь идеи?

– Я мог бы это обмозговать, если бы меня прикомандировали к расследованию в качестве гражданского эксперта-консультанта.

«Да, – подумала Ева, – обдeldывать дела он умеет».

– Я подумаю над этим, когда услышу от тебя парочку конструктивных идей.

– А я буду обсуждать идеи, когда ты над этим подумаешь.

Ева нахмурилась:

– Я позвонила Моррису. Предварительное обследование Хэллоуэя показало необычайно высокое внутричерепное давление. Причина остается неясной, но симптомы те же, что у Когберна. Результаты исследования его мозговой ткани свидетельствовали о неидентифицированной вирусной инфекции. А ведь у компьютеров бывают вирусы.

– Только не биологические вирусы, – отозвался Рорк. – Большой компьютер заражает другие компьютеры, но не человека, который с ним работает.

– Этот заражает, – уверенно заявила Ева. – Может быть, он запрограммирован на контроль над подсознанием? Мы уже сталкивались с чем-то подобным.

– Верно. – Въехав в ворота, Рорк повел машину к гаражу, дабы избежать недовольства Соммерсета. – Как я сказал, у меня есть кое-какие идеи.

Ева вышла из машины и машинально окинула взглядом гараж, больше похожий на музей транспорта. Она никогда не понимала, зачем одному человеку двадцать автомобилей, три реактивных мотоцикла, мини-вертолет и пара вездеходов, и это все не считая средств передвижения, находящихся в других местах.

– Ладно. Я договорюсь с майором о временном статусе консультанта для тебя.

– Пожалуй, мне уже пора потребовать жетон. – Рорк взял Еву за руку. – Давай прогуляемся.

– Чего ради?

– Сегодня прекрасный вечер и, вероятно, последний, когда у нас есть хоть немного времени для себя. Я жажду подышать с вами воздухом, лейтенант. – Наклонившись, он поцеловал ее. – А может быть, не только подышать воздухом.

6

Ева не возражала против прогулки. Правда, она предпочитала быструю ходьбу, стимулирующую деятельность мозга, и ей постоянно приходилось сдерживаться, приспособившись к неторопливой походке Рорка. Ее всегда удивляла его способность без видимых усилий переключаться с напряженной деятельности на праздное времяпрепровождение. Этим искусством она никогда не владела.

Воздух по-прежнему был душным и тяжелым, и они словно плавали в теплом тягучем сиропе. Но слепящее дневное солнце уже сменилось золотистым вечерним светом – таким нежным и мягким, что до него хотелось дотронуться.

«Даже жара здесь переносится легче, – думала Ева. – Она словно втягивается в траву, деревья и цветы, а не отражается от раскаленных тротуаров прямо в лицо».

– Лето всегда кажется слишком коротким, – заметил Рорк, шагнув на выложенную каменными плитками дорожку. Ева не помнила, чтобы видела ее раньше. – Нужно наслаждаться им, пока оно не кончилось. Особенно в это время дня – сады сейчас смотрятся изумительно.

Ева тоже так думала, хотя парк, окружающий дом Рорка, всегда казался ей исключительно живописным. Даже зимой в разнообразии форм и оттенков деревьев и растений было нечто притягательное, но сейчас здесь бушевало многообразие красок и ароматов. При всем своем рукотворном великолепии парк казался творением природы, которого не касался человек.

– Кто выполняет здесь всю работу?

– Эльфы, разумеется. – Засмеявшись, Рорк шагнул под арку, образованную сплетенными ветками розовых кустов.

– Импортированные из Ирландии?

– Естественно.

– Тут прохладно. – Ева посмотрела вверх, где сквозь густую листву виднелось небо. – Природный кондиционер. И пахнет так... так романтично!

Она с улыбкой посмотрела на Рорка, но он не улыбнулся в ответ. Ева инстинктивно обернулась, словно опасаясь какой-то угрозы, вроде змеи в кустах.

– В чем дело?

Как он мог объяснить, что значит видеть ее стоящей среди роз в тени деревьев, ошеломленной окружающей красотой? Такое редко бывало с этой женщиной, носящей оружие уверенно и гордо, как другая могла бы носить драгоценные украшения.

– Ева... – Шагнув к ней, Рорк прижался лбом к ее лбу.

Как объяснить, чего ему стоило видеть, как она входит, одинокая и незащищенная, в комнату с вооруженным безумцем? Чувствовать, что он может потерять ее в любую секунду?..

Рорк знал, что Ева смотрела в лицо смерти множество раз. Ему тоже приходилось рисковать жизнью рядом с ней. Вместе с Евой он переживал кошмары ее прошлого, которое едва ли смогла бы вынести любая живая душа. Но сегодня все было по-другому. Еву защищали только ее собственная отвага и находчивость. А ему оставалось только ждать, терпя мучительный страх, вонзающийся в сердце, словно острый кол.

Рорк чувствовал, что будет лучше, если он не станет говорить об этом. Но Ева все понимала. Конечно, в душе Рорка оставались темные уголки, куда она все еще не имела доступа, но это не касалось их любви. Когда он отстранился, Ева потянулась к нему и прижалась губами к его губам.

Рорк хотел быть нежным. Это гармонировало с романтической атмосферой сада, с чувством благодарности за то, что Ева стоит здесь, живая и невредимая. Но волна страсти захлест-

нула его. Он впился пальцами в ее рубашку, словно это был спасательный круг в бушующем море.

Еве показалось, что Рорк вот-вот разорвет рубашку в клочки. Но его пальцы разомкнулись, скользнули по ее шее и прижались к щекам. Она видела бушующую в синих глазах Рорка неумную страсть, от которой у нее перехватывало дыхание и бешено колотилось сердце.

– Ты не понимаешь, как нужна мне. – Пальцы Рорка утонули в ее волосах. – Иногда я даже пугаюсь силы этого чувства, хочу обуздать себя – и ничего не могу с собой поделать.

Но он был не прав: Ева все понимала и испытывала те же чувства, которые точно так же была не в силах сдержать.

Рорк снял с нее ремень с кобурой и отшвырнул в сторону. Ева крепче прижала его к себе, застонав от наслаждения, когда губы Рорка впилась в ее шею.

Где-то переливчато пела птица, воздух наполнял густой аромат роз.

Рорк снял с Евы рубашку через голову, и его теплые ладони скользнули по ее коже. Но когда она попыталась расстегнуть ему рубашку, он схватил ее за руки.

– Подожди... – Его голос казался таким же терпким, как воздух в саду.

– Но я хочу...

– Скоро ты получишь все, что хочешь. – Рорк расстегнул крючок на ее брюках. – Но сначала я получу то, что хочу я.

А он хотел видеть ее обнаженной.

– Сними ботинки.

– Тогда отпусти мои руки.

Ева сбросила ботинки, дрожа от возбуждения. Деревья, кусты, цветы с их красками и ароматами вращались вокруг нее. Горячие губы Рорка обжигали тело.

Опустив Еву на траву, он закинул ее руки за голову и снова стиснул запястья.

– Помнишь, как ты отдалась мне в первый раз? «Я не могу», – говорила ты, но ты смогла.

Его рука скользнула по груди Евы, и ей показалось, что ее сердце на мгновение перестало биться.

Рорк шагнул назад и начал раздеваться.

Влажное обнаженное тело Евы лежало на мягкой зеленой траве. На ней оставались только длинная цепочка с большим бриллиантом и медалька с изображением святого Иуды, подаренные Рорком. То, что она никогда их не снимала, трогало его до глубины души.

Ева видела перед собой склонившееся к ней лицо Рорка, в его волосах играл луч солнца, пробившийся сквозь листву.

– Я хочу тебя, – прошептала она. – Ты это хотел услышать?

Раздвинув колени Евы, Рорк проник в нее. Он дрожал всем телом, от его самоконтроля не осталось и следа. Как безумный, он покрывал горячими поцелуями ее лицо, губы, тело.

– Сейчас!.. – Рорк схватил Еву за руки, и их пальцы судорожно сплелись. – Вместе со мной!

Кровь все еще стучала у него в ушах, когда он опрокинулся на спину и голова Евы оказалась на его груди. Буря, бушевавшая у него внутри, начала стихать. Его рука осторожно гладила спину Евы.

– Ничего себе прогулка! – пробормотала она.

– Свежий воздух всегда на пользу.

– Ну конечно, во всем виноват свежий воздух, – усмехнулась Ева. – Теперь я понимаю, почему люди бегут из города, чтобы отдохнуть и расслабиться.

– В данный момент я чувствую себя полностью отдохнувшим и расслабившимся. А сейчас нам лучше привести себя в порядок и пойти в дом. Скоро привезут Макнаба, и я должен предупредить Соммерсета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.